

шрифтом
B52 —
673

63483
ИЗДАТЕЛЬСТВО

журн. „НАРОДНЫЙ УЧИТЕЛЬ“.

Москва, Твер. заст., Царский 4, тел. 3.05.19.

B52 673
А. Федоровъ-Гартвицъ.

ТРУДОВАЯ ШКОЛА и КОЛЛЕКТИВИЗМЪ.

—❖—
МОСКВА.

Типографія Г. В. Васильева, п./ф. «Помощники».

1918.

205

**XIII годъ
изданія.**

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ

**XIII годъ
изданія.**

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ и ОБЩЕСТВЕННО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

(КРОМѢ ДВУХЪ ЛѢТНИХЪ МѢСЯЦЕВЪ).

„Народный Учитель“.

Подъ редакціей **Ореста Смирнова.**

Собств. корресп. въ
Г. Комитетъ по нар.
образов. и въ орган.
Всер. У. Союза.

Свыше 300
собственныхъ
корреспондентовъ

Живая связь съ
народнымъ учитель-
ствомъ, земскими и
кооперат. дѣятелями.

ПОСТОЯННЫЕ ОТДѢЛЫ ЖУРНАЛА: I. Въ Г. Комитетъ по народ. образ. II. Всерос. Учит. Союзъ и его отдѣлы. III. Кооперация и просвѣщеніе. IV. Хроника нар. образ. V. Изъ жизни загранич. школы. VI Народное образ. въ зем. и город. VII. Пути и формы выѣшк. образов. VIII. Педагогич. обзоръіе. IX. Сообщенія съ мѣстъ. X. Думы читателей. XI. Новости педагогической, учебн., дѣтск. и народной литературы. XII. Справочныя свѣдѣнія по народн. образов. XIII. Въ помощь самообразованію. XIV. Экспериментальная педагогика и психологія. XV. Соціальная педагогика. XVI. Вопросы и отвѣты. XVII. Среди книгъ (библіографія). XVIII. Школьная практика. XIX. Письма въ редакцію. XX. Почтовый ящикъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ
— БЕЗЪ ПРИЛОЖЕНІЙ —

15 р.

съ ПРИЛОЖЕН. 10 вып: ИЗЪ СЕРІИ
„ОСНОВЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ГРАМОТНОСТИ“

17 р.

Адресъ редакціи: Москва, Тверская заст., Царскій 4.

Редакторъ *Орестъ Смирновъ.*

Издательница *Л. П. Смирнова.*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
журн. „Народный Учитель“.
Москва, Твер. заст., Царскій 4, тел. 3.05.19.

А. Федоровъ-Гартвицъ.

ТРУДОВАЯ ШКОЛА и КОЛЛЕКТИВИЗМЪ.

МОСКВА.
Типографія Г. В. Васильева, п./ф. „Томосъ“
1918.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Исколесивъ втеченіе лѣта чуть не поля-Рос-
сіи, потолкавшись на народѣ въ самыхъ глу-
хихъ мѣстахъ Урала, среди крестьянъ-богатѣевъ
и башкиръ, и въ Смоленской губ., во владѣніяхъ
Облискомзапа, гдѣ пришлось бесѣдовать съ
малоземельными и батраками, и въ людныхъ мѣ-
стахъ Прикамья и Поволжья, гдѣ я встрѣтилъ
подлинныхъ коммунистовъ-рабочниковъ, и на-
конецъ, только что вернувшись съ Украйны, я вижу,
что намъ не миновать широкаго прилива мелко-
буржуазной волны, жадно стремящейся къ на-
слажденію жизнью и индивидуальной свободѣ.
Тѣмъ болѣе своевременно выступить «противъ
теченія» съ проповѣдью «труда» и «общиннаго
духа»; эти начала, не будучи враждебны радо-
стной и свободной жизни, вводятъ ее, однако, въ
рамки того культурнаго процесса, которому вте-
ченіе многихъ десятилѣтій столь безкорыстно
служила русская интеллигенція. Руководящими
идеями этого процесса всегда были — свободная

личность и свободное общество. И во имя этого служения трудовая интеллигенция должна только сдѣлать еще одинъ шагъ, самый трудный: она должна выучиться не только умирать за народъ, но и жить съ нимъ, т.-е. работать ту же работу, какъ рабочій и крестьянинъ; правда, она перестанетъ быть интеллигенціей, но за то весь народъ станетъ интеллигентнымъ: бросьте дрожжей въ тѣсто—поднимется весь хлѣбъ.

Авторъ.

Москва, сент. 1918 г.

1. Коллективизмъ и индивидуализмъ.

Революція отражаясь на всѣхъ сторонахъ нашего быта, не можетъ не коснуться и того тихаго уголка нашей жизни, въ которомъ ютится наша семья и школа. Въ связи съ катаклизмомъ, который мы такъ тягостно переживаемъ, въ дѣлѣ обученія и воспитанія на первый планъ выступила идея трудового начала.

Въ литературѣ, на учительскихъ съѣздахъ и на курсахъ всюду этотъ вопросъ привлекаетъ общее вниманіе, и намъ — старымъ дѣателямъ трудовой школы приходится выступать съ рѣчами и статьями въ защиту великой идеи, возможность осуществленіе которой вызываетъ сомнѣнія и самая сущность которой остается непонятою.

Что между коллективизмомъ и трудовой школой существуетъ тѣснѣйшая связь, въ этомъ врядъ ли можно сомнѣваться. Коллективизмъ есть господство труда, а обобщественный трудъ требуетъ тщательной и длительной подготовки. Безъ соответствующихъ трудовыхъ навыковъ, безъ развитого чувства долга, безъ воспитанной въ из-

вѣстномъ направленіи мысли юныя поколѣнія окажутся неподготовленными къ новому строю жизни и обобществленію народнаго, тѣмъ болѣе мірового хозяйства, окажется невозможнымъ. Не даромъ Менгеръ предупреждаетъ, что «внезапное поднятіе социалистическаго знамени можетъ столь же мало достигнуть своей цѣли, какъ, положимъ, законъ, что всѣ граждане государства съ извѣстнаго момента должны стать мудрыми и добродѣтельными». Менгеръ предполагаетъ, что введеніе социалистическаго строя продлится на цѣлыя столѣтія. И дѣйствительно мы видимъ, что вмѣсто братской и дружной работы всѣхъ трудящихся на нашихъ глазахъ растетъ взаимное отчужденіе и озлобленіе, вмѣсто честнаго труда и добросовѣстнаго отношенія къ своимъ обязанностямъ всюду развивается своего рода италіанская забастовка, выражающаяся въ томъ, что каждый старается меньше дать и больше получить, а въ тѣхъ, кто называетъ себя социалистомъ, зачастую встрѣчаешь самого подлиннаго буржуа, старающагося урвать что можно и припрятать пока не поздно. Само собою разумѣется, что въ основѣ этого явленія лежитъ некультурность и отсутствіе общественныхъ навыковъ мысли и воли въ той средѣ, которая признана правомочною осуществити коллективизмъ. И понятно, что передъ трудовой школой открывается нелегкая задача

перевоспитать всю эту массу въ духѣ общности и мірового братства.

Однако при томъ пониманіи, даже научномъ, коллективизма, какое сейчасъ является господствующимъ, можно ждать тяжелыхъ послѣдствій и для той силы, которою, какъ казалось, до сихъ поръ жила старая школа. При осуществленіи коллективизма прозритъ серьезная опасность личности, ея свободѣ, индивидуальному развитію человека. Даже по Менгеру, весьма осторожному социалисту, предполагается, что высшіе хозяйственные органы будутъ имѣть право переводить временно или на постоянное жительство гражданъ въ лучшія (болѣе богатые) общины безъ согласія послѣднихъ на такое вселеніе. Если это понимать такъ, что хотя вы устроились въ Москвѣ и здѣсь вамъ чувствуется прекрасно, но ради цѣлей общаго блага, какъ онѣ рисуются воображенію чиновниковъ хозяйственныхъ учреждений, васъ имѣютъ право перемѣстить въ Царевкокшайскъ безъ вашего согласія, то врядъ ли вы будете чувствовать себя столь же прекрасно и въ новой социалистической общинѣ. Мало того, представители рабочихъ группъ будутъ имѣть власть не только руководить работой членовъ, но и «налагать дисциплинарныя взысканія на лѣнливыхъ или упрямыхъ товарищей, предоставляя имъ право обжалованія въ органы высшаго порядка». «И ра-

бочее начальство будетъ необходимо до тѣхъ поръ, пока люди воспитаются настолько, чтобы въ работѣ видѣть для себя честь и ясно понимать истинный смыслъ социализма». При этомъ самъ Менгеръ признаетъ, что если одни будутъ управлять, а другіе подчиняться, то неравенство экономическое останется. «Опытъ всѣхъ временъ, говоритъ онъ, учитъ насъ, что господствующіе всегда употребляютъ превосходство своихъ силъ на то, чтобы обезпечить себѣ привилегированное экономическое положеніе», т.-е. получать въ свою пользу больше матеріальныхъ благъ, чѣмъ подчиненные.

Итакъ коллективизмъ, по мнѣнію многихъ выдающихся мыслителей, приведетъ насъ къ тому, что получило мѣткое названіе: «грядущее рабство». И какъ бы мы ни почувствовали принципу обобществленія, поневолѣ приходится призадуматься надъ этимъ сложнымъ вопросомъ: а какова будетъ судьба творческой личности человека? не погибнуть ли тѣ духовныя цѣнности, которыя такъ ярко выразились въ прогрессѣ науки и техники, въ расцвѣтѣ искусства и литературы? Можетъ ли человекъ—рабъ коллектива—творить жизнь, создавать новый міръ, въ которомъ всѣ будутъ братьями?

Будемъ искать выхода изъ этого тяжелаго раздумья. Повидимому, надо признать, что внѣ

процесса обобществленія нѣтъ спасенія для этого міра вражды и классовой борьбы. Только общее хозяйство и притомъ въ мировомъ масштабѣ, устранить конкуренцію, передать распоряженіе капиталомъ въ руки трудящихся и устранить эксплоатацию всѣхъ трудовыхъ элементовъ. И только тогда школа будетъ имѣть дѣйствительно твердую почву подъ ногами для воспитанія подрастающихъ поколѣній въ духѣ братства и любви; сейчасъ она идетъ въ разрѣзъ съ господствующимъ теченіемъ жизни, и голосъ школы есть «гласъ вопіющаго въ пустынь», ибо нѣтъ ему отклика среди вражды и ненависти, сопровождающей поистинѣ звѣриную борьбу людей съ людьми, которая такъ обострилась за годы войны. Но въ то же время я глубоко цѣню индивидуальную свободу каждой личности, признаю ея право на самоопредѣленіе въ предѣлахъ, которые устанавливаются такимъ же правомъ ближняго, и даже отстаиваю идею національнаго самоопредѣленія. И кстати скажу, очень мало цѣню государственное, т.-е. принудительное объединеніе. И вотъ въ разрѣшеніи этого сложнаго общественно-педагогическаго вопроса я нашелъ путь въ слѣдующемъ ученіи ¹⁾, которое я сначала исповѣдывалъ робко и неувѣренно, а теперь признаю

¹⁾ Рефератъ, читанный въ засѣд. Москов. Психологическаго Об-ва 17-го 25 т. назадъ.

твёрдо и непреклонно, тѣмъ болѣе, что нахожу подтвержденіе у многихъ выдающихся мыслителей. Наука существующаго типа указываетъ только послѣдовательность явленій (т. н. законы единообразія), соединенныхъ причинной связью, но она не даетъ прямыхъ указаній для нашей дѣятельности. Эти указанія (законы жизни) открываются анализомъ нашихъ чувствованій (страданія и радости). Наука существующаго типа даетъ намъ знаніе *дѣйствительности*; наука, изучающая законы жизни, даетъ намъ знаніе *идеаловъ*. У Канта, изъ котораго я преимущественно исходилъ (категорическій императивъ), прекрасно сказано, что «въ царствѣ цѣлей все имѣетъ или *цѣну или достоинство*. Что имѣетъ цѣну, на мѣсто того можетъ быть поставлено въ качествѣ эквивалента что-либо иное; наоборотъ то, что стоитъ выше всякой цѣны и не допускаетъ никакого эквивалента — то имѣетъ достоинство». Съ этой точки зрѣнія, личность, творчески развившая свои индивидуальныя силы, можетъ обладать неоцѣнимымъ достоинствомъ; человѣкъ именно и дорогъ намъ, какъ своеобразная личность, и социализмъ остался бы для насъ неприемлемымъ, если бы рухнула эта цѣнность человѣка, какъ своеобразной индивидуальной личности 1).

1) М. М. Рубинштейнъ. Соціализмъ и индивидуализмъ.

Человѣчество, такимъ образомъ, должно быть не бесконечно большой связкой бесконечно малыхъ и неразличимыхъ единицъ, а соединеніемъ цѣнныхъ въ индивидуальномъ отношеніи субъектовъ, союзомъ личностей, развившихъ свои творческія силы. Поэтому не только личность становится цѣнной черезъ *человѣчество*, но и *человѣчество возвышается черезъ личность*. Однако, личность чтобы остаться цѣнной, должна искать для себя возможности свободнаго проявленія своихъ силъ, ихъ полнаго размаха, и коллективизмъ долженъ этотъ просторъ обезпечить. Это не мѣшаетъ признавать каждую личность равноцѣнной другой подобной же. Какъ говорилъ весною (12 мая) П. А. Кропоткинъ на бесѣдѣ въ Университетѣ Шанявскаго, «пока мы не признаемъ равноцѣнными всѣхъ людей, и образованныхъ и необразованныхъ, и сидѣлку и хирурга, никакой общественности быть не можетъ, а будетъ борьба; подлая Германія 40 лѣтъ и учила въ своихъ школахъ, что только она великая нація и должна просвѣтить «русскихъ свиней», покрывающихся тулупами. Безъ признанія этой равноцѣнности не можетъ быть націи, и всѣ отъ императора до коммуниста будутъ воображать, что они призваны осчастливить человѣчество». Однако, предположеніе равноцѣнности людей по ихъ достоинству, нисколько не мѣшаетъ тому, чтобы

они расположились въ скалу безконечно разнообразныхъ цѣнностей по рыночной стоимости ихъ труда. Ту же мысль, но въ другой формулировкѣ, я встрѣтилъ въ статьѣ «Nature et Société» (Природа и общество) во французскомъ журналѣ «Revue philosophique» за 1902 г. № 5. *Природа не ставитъ цѣлей*¹⁾; въ природѣ господствуетъ царство причинности. Человѣкъ, какъ часть природы, подчиняется ея законамъ, но въ то же время онъ себя противопоставляетъ природѣ и желаетъ подчинить ее цѣлямъ, поставленнымъ самимъ человѣкомъ, который не только познаетъ, но и *оцѣниваетъ* явленія. Поэтому, человѣкъ устанавливаетъ двѣ точки зрѣнія: *сущаго* и *должнаго*. Изучая законы природы, направляющіе жизнь сущаго, человѣкъ, пользуясь знаніемъ этихъ законовъ, создаетъ *надстройку*, представляющую непрерывный рядъ осуществляемыхъ во имя должнаго цѣлей. Такъ, рядомъ съ естественнымъ стихійнымъ процессомъ реальной жизни, человѣкъ, руководясь своими идеалами, создаетъ другую искусственную жизнь, то, что называется *культурой*, изученіе которой и есть прямое дѣло *исторіи*.

1) Для религіознаго человѣка эта мысль гармонируетъ съ убѣжденіемъ, что цѣли ставятся Провидѣніемъ и осуществляются черезъ людей.

Наконецъ, въ замѣчательной книжкѣ Штамлера (Галле): «Хозяйство и право» (1896) мы встрѣчаемъ систематическое обоснованіе социального идеализма. Онъ признаетъ связь идейныхъ теченій съ экономическими измѣненіями, составляющими основу первыхъ. Но вмѣстѣ съ неокантіанцами онъ идетъ дальше въ своихъ утвержденіяхъ: кромѣ неизбѣжной законности опыта можно мыслить еще другого рода законность, не похожую на связь между причиной и слѣдствіемъ. Она ясно понимается и непосвященнымъ человѣкомъ, какъ различіе между познаніемъ и волей, между совершеннымъ и совершаемымъ, между бытіемъ и должноствоуваніемъ. Это не есть другая причинность, это только другой видъ закономерности, задающей вопросомъ не *почему*, а *для чего*, ищущей не причины и слѣдствія, а средства и цѣли. Эту точку зрѣнія можно назвать *этической*. (Фортендеръ. Кантъ и социализмъ).

Къ числу неокантіанцевъ можно причислить цѣлый рядъ мыслителей: Когенъ (Марбургъ), Ланге, Наторпъ (Соціальная педагогика), Штаудингеръ¹⁾, Герлахъ, Липпсъ (Люди должны быть

1) По Штаудингеру ошибка Маркса состоитъ въ томъ, что онъ изслѣдуя законы, дѣйствующіе въ народномъ хозяйствѣ, съ точки зрѣнія причинности, ищетъ въ томъ же процессѣ указаній для преобразованія общества, тогда какъ оцѣнка процесса должна исходить изъ другихъ принциповъ.

нравственною самоцѣлью, а не рабами труда), Массарикъ, Жоресъ, который первый указалъ на Канта, какъ на духовнаго основателя нѣмецкаго социализма ¹⁾. Въ основѣ всѣхъ утверждений неокантіанцевъ — социалистовъ лежитъ та мысль, Канта, что «человѣкъ свободенъ, потому, что онъ признаетъ долгъ; онъ свободенъ благодаря нравственному закону, который выше земли и неба и всего человѣчества». И такъ какъ каждый человекъ есть лицо, а не вещь, то ни одинъ человекъ не долженъ пользоваться другимъ, какъ вещью: *«Человѣкъ есть не средство, а самоцѣль»*.

Откровеннѣе другихъ социалистовъ къ Канту примыкаетъ Вальтманъ, который говоритъ, что «соціальныя вопросы есть вмѣстѣ съ тѣмъ и индивидуальныя вопросы и что экономическій вопросъ является и этическимъ вопросомъ». «Единственная возможность предохранить социализмъ отъ духовнаго застоя заключается во внутреннемъ объединеніи идей экономическаго коллективизма съ принципами критической философіи морали и высшими идеалами Платона, Иисуса и Канта въ одну цѣльную этическую экономію». Противъ матеріи природы человекъ выступаетъ, какъ сила природы, дѣйствующая согласно сознаннымъ цѣ-

¹⁾ Надо помнить однако, что Кантъ, подобно Аристотелю, различалъ гражданъ отъ чернорабочихъ и прислуги, получающихъ защиту и содержаніе отъ другихъ лицъ.

лямъ. Не даромъ Каутскій, самый выдающійся изъ новѣйшихъ марксистовъ, призываетъ къ «идеализму», поднимающему пролетаріатъ къ «высшей духовной жизни».

Но индивидуализмъ, который я отстаиваю, не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ индивидуализмомъ, для котораго другіе люди являются лишь средствомъ для достиженія своихъ собственныхъ эгонистическихъ цѣлей; эти хищники слѣдуютъ правилу, всегда довольно распространенному въ малокультурномъ обществѣ, по которому «дуракъ служить лѣстницей для умнаго человека», разумѣя подъ умомъ умѣніе пользоваться доверчивостію и добротою сосѣда, чтобы обдѣлывать свои дѣлишки.

Вводитъ при такомъ состояніи умовъ и настроеній «немедленный» социализмъ значитъ не понимать ни сущности социализма, ни того, что всякое растеніе требуетъ подготовленной и благоприятной почвы. Когда всѣ, даже представители труда, ведутъ между собою ожесточенную борьбу, задыхаясь, падая и давя другъ друга, тогда, очевидно, нѣтъ мѣста для коллективнаго строительства жизни. «Всѣ сердца разбиты различіемъ интересовъ («Мать» Горькаго); всѣ обглоданы слѣпой жадностью, покусаны завистью, избиты, изранены и сочатся гноемъ, ложью, трусостью. Всѣ люди больные, жить боятся, ходятъ, какъ въ

туманъ... каждый знаетъ только, какъ его зубъ болитъ». И въ этой хаотической атмосферѣ борьбы даже не за существованіе, а за господство надъ другими людьми, за возможность давить ихъ, въ этой растлѣвающей атмосферѣ подрастаютъ новыя поколѣнія, которыя уже въ школѣ инстинктивно пріучаются приспособляться къ хищническимъ формамъ существованія (списываніе, подкасы, подчистки, обманы, ложь, привычка къ бездѣлю). И къ сожалѣнію педагоги не замѣчаютъ, что формы школьной жизни находятся въ тѣсной зависимости отъ господствующаго у насъ индивидуалистическаго хозяйственнаго строя, опирающагося на конкуренцію. И тѣ изъ нихъ, которые искренне болѣютъ душою, видя развалъ школы, но надѣются излѣчить болѣзнь нравственнымъ вліяніемъ, будутъ понапрасну тратить свои силы и въ концѣ концовъ проклянуть свою судьбу, если только не перестроятъ свою дѣятельность на новыхъ началахъ, началахъ общественности, которая должна обнять, какъ хозяйственную жизнь народа, такъ и духовныя отношенія. И притомъ школа, какъ часть жизни, только тогда обновится, когда и окружающая жизнь начнетъ перестраиваться въ духъ обобществленія. Такія школы, поэтому, прежде всего возникнуть, въ трудовыхъ общинахъ и, можетъ быть, при кооперативахъ. Въ этихъ новыхъ школахъ въ основу всей

работы должно быть положено воспитаніе привычки къ сотрудничеству, глубокое уваженіе къ личности ребенка и ученіе о равноцѣнности всѣхъ людей, какимъ бы трудомъ они ни занимались. Отсюда и новая постановка вопроса объ отношеніи умственнаго и физическаго труда.

Въ этой новой школѣ должно быть установлено совершенно другое отношеніе къ прислугѣ; самое слово это должно быть вычеркнуто изъ обихода. И здѣсь придется повести серьезную борьбу съ общераспространенными въ буржуазной средѣ взглядами. «Нѣтъ культуры безъ прислуги», говоритъ Трейчке, слѣдуя мнѣнію Аристотеля; «неизмѣненъ законъ, что только меньшинству суждено наслаждаться идеальными благами культуры, масса же должна трудиться въ потѣ лица своего»; «этотъ порядокъ справедливъ и необходимъ». Любая книжка, трактующая тему о развитіи человѣка отъ дикаго состоянія къ культурѣ, принимаетъ, какъ неоспоримое положеніе, что человечество только потому и могло подняться къ культурѣ, что оно сумѣло свалить съ плечъ часть заботъ о матеріальномъ существованіи и урвать себѣ болѣе продолжительную возможность отдаться наукѣ и искусству. Но такъ какъ большинство рабочихъ и крестьянъ лишены этихъ благоприятныхъ условій, то ясно, что матеріальная не-обеспеченность гаситъ милліоны цѣнныхъ куль-

турно - творческихъ свѣтильниковъ. И только исключительныя натуры, одаренныя стальной волей или благодаря особому стеченію условій, пробиваютъ себѣ дорогу къ свѣту. И если изъ этой клоаки всеобщаго и взаимнаго пожиранія ¹⁾, именуемаго свободной конкуренціей, и выбиваются немногія свѣтила науки и искусства, а остальная масса «трудится въ потѣ лица своего», т.-е. въ культурно-творческомъ отношеніи погибаетъ, то ясно, что надо перестраивать самыя основы хозяйственной жизни на началахъ *коллективизма*, и въ соответствіи съ этимъ основы духовной жизни на началахъ *сотрудничества индивидуальных и творчески развивающихся личностей*. Вотъ тотъ основной законъ жизни, который вскрывается анализомъ страданій, нами переживаемыхъ.

---

¹⁾ М. М. Рубинштейнъ.

II. Національное и общечеловѣческое.

Потребность въ національномъ характерѣ жизни и школьной къ ней подготовкѣ вытекаетъ изъ того же источника, изъ котораго вытекаетъ стремленіе къ индивидуализаціи въ развитіи чело-
вѣка. Чтобы жить полною жизнью, чтобы стать духовно-цѣннымъ и творчески работающимъ существомъ, необходимо стать самимъ собою, развернуть всѣ данныя природою силы и способности, опредѣлить свои склонности и найти любимую работу — это и будетъ наиболѣе полезная для общества работа, такъ какъ она будетъ выполняться особенно охотно и съ наибольшимъ напряженіемъ силъ. Совершенно такъ же я понимаю и начало національное. Это естественное стремленіе націи познать свой характеръ, свое «я», развить присущія ей своеобразныя силы и способности, развернуть во всю ширь и полноту свои духовныя цѣнности, свой національный гений. Вѣдь мы учителя хорошо знаемъ, какъ выигрываетъ классъ и даже наше преподаваніе, когда среди учащихся появится талантливый юноша, своеобразный умъ,

блестяще одаренная натура такой юнецъ одними своими вопросами уже поднимаетъ общій тонъ классной работы; если онъ напишетъ сочиненіе или выскажетъ свое самостоятельное мнѣніе по вопросу, разбираемому въ классѣ, умы товарищей просыпаются, интересъ къ вопросу усиливается, начинаются возраженія, поднимается споръ, классъ оживляется, и педагогъ съ радостью наблюдаетъ бодрую работу своихъ питомцевъ, нерѣдко самъ принимая въ ней горячее участіе. И потомъ долго вспоминаетъ съ удовольствіемъ пережитыя минуты, говоря про себя: хорошій былъ урокъ, славные ребята, изъ этого юноши выйдетъ толкъ. Каждый изъ насъ знаетъ также, что и въ обществѣ, собирающемся гдѣ-либо на вечеринку, обычно столь сонномъ и вяломъ, совершенно неспособномъ отдаться искреннему веселью, появленіе человѣка жизнерадостнаго, остроумнаго собесѣдника, умѣющаго красочно и ярко передавать свои впечатлѣнія, тотчасъ же вноситъ оживленіе, вызываетъ интересъ и пробуждаетъ дремлющія силы. И проведенныя вмѣстѣ съ такимъ одареннымъ человѣкомъ минуты оставляютъ глубокий слѣдъ въ сознаніи собесѣдниковъ. Какъ и въ первомъ случаѣ, общество всегда выигрываетъ отъ общенія съ людьми выдающагося ума и способностей. Точно также и *человѣчество выигрываетъ, если, каждый народъ выявляетъ всю красоту сво-*

его національнаго генія и вносить въ общую сокровищницу челоѣческой жизни свою долю. Нашъ національный геній уже въ достаточной степени доказалъ свою силу и красоту въ литературѣ и искусствѣ. Не даромъ произведенія нашихъ великихъ писателей пользуются міровою извѣстностью, а наша музыка и наше декоративное искусство вызываютъ такой восторгъ за-границей. Но мы не развернули еще всѣхъ своихъ силъ. Народъ былъ задавленъ нищетою и скованъ бюрократическими цѣпями. Къ верху пробивались только немногія единицы или изъ среды болѣе обеспеченной или люди исключительной силы. И только теперь, казалось бы, настало время для свободнаго развитія народныхъ способностей. Однако, старыя пути насъ все еще связываютъ. Старое правительство, заботясь о развитіи политической силы и внѣшнемъ могуществѣ, такъ исказило понятіе національнаго, что оно стало для насъ ненавистнымъ. Национальное понималось, какъ полное господство великорусской націи, сопровождавшееся угнетеніемъ всякой другой національности. Въ результатъ мы видимъ, какъ каждая нація, полная вражды къ Великой Россіи старается отколоться отъ нея и создать самостоятельную жизнь. И Россія распадается на нашихъ глазахъ на мелкіе куски. Это націоналистическое направленіе нашей прежней политики

оставило намъ тяжелое наслѣдство. Надо возстановлять истинное пониманіе національнаго, надо приучить нашъ народъ и другіе народы къ той мысли, что надо уважать свое національное достоинство и не унижать этого достоинства въ другихъ народностяхъ. Надо научить народъ любить и цѣнить красоту нашего національнаго генія и понимать красоту и цѣнность генія другихъ націй. *«Живи и жить давай другимъ»*, вотъ лозунгъ, которымъ долженъ руководиться каждый поклонникъ національнаго развитія своего народа.

Мѣшаетъ этому пониманію въ очень сильной степени то увлеченіе интернаціоналомъ, которое охватило красную часть нашей общественности. Однако, есть надежда, что эти два понятія, нисколько не противорѣчація одно другому, мирно уживутся въ сознаніи поклонниковъ новаго строя жизни. Въ хозяйственная сфера жизни, такъ же, какъ и научная работа мысли, поскольку она имѣетъ дѣло съ законами причинности, не знаетъ національных предубѣждений. Разъ намъ нужно создать міровое обобществленное хозяйство, оно не можетъ ограничиваться предѣлами націи. Все человѣчество, всѣ трудящіеся должны образовать одинъ великій хозяйственный и братскій союзъ. Справедливо сказалъ одинъ солдатъ въ трамваѣ: «что жъ нѣмецъ? За что его убивать? всѣ люди братья».

И когда видишь, что по улицамъ Москвы идутъ рядомъ, мирно бесѣдуя, австріецъ и русскій солдатъ, то невольно думаешь, вотъ такъ бы и всѣмъ воюющимъ мирно разрѣшать свои житейскія дѣла. Но это нисколько не мѣшаетъ каждому народу имѣть тотъ образъ, который тѣсно связанъ съ его духовными особенностями. Въ духовной сферѣ, въ сферѣ искусства, обычаевъ, пѣсенъ, музыки и обрядовъ пусть національная жизнь играетъ всѣмъ разнообразіемъ и богатствомъ своихъ красокъ, пусть каждый цвѣтокъ имѣетъ свою окраску и свой запахъ. Тѣмъ пріятнѣе и богаче будетъ букетъ этихъ цвѣтовъ и тѣмъ радостнѣе будетъ жизнь братьевъ-народовъ, любующихся на красоту духовнаго богатства различныхъ націй, образующихъ великое цѣлое, называемое человѣчествомъ. Ибо въ творческомъ разнообразіи залогъ жизни, въ механическомъ однообразіи тлѣніе смерти.

Вы спросите, какъ же развить національное безъ ущерба для общественнаго? Очень просто. Какъ въ воспитаніи индивидуальнаго надо все время имѣть въ виду общественность, такъ и въ развитіи національнаго необходимо противопоставлять ему міровое, какъ то общее, которое связуетъ всѣ національныя обособленности въ одно цѣлое. И прежде всего надо начать съ ознакомленія ребенка съ условіями окружающей его жизни,

съ родной природой—лѣсомъ во всемъ его разнообразіи, широкимъ русскимъ горизонтомъ, съ нашими болотами и холмами, съ нашими полями и лугами, съ нашими степями и снѣгами; надо ознакомить его съ жизнью народа, съ его хозяйствомъ, съ его нуждами и потребностями, его міровоззрѣніемъ и сложившимися исторически формами быта; надо изучать и усвоить то богатство, которое далъ намъ народъ, его пѣсни, мелодіи, обряды и обычаи, краски и формы декоративнаго искусства, его сказки и пословицы, его игры, его литературу, его исторію. Когда юное поколѣніе пріобщится въ достаточной мѣрѣ къ родной культурѣ, оно должно познакомиться и съ національной культурой другихъ народностей; оно пойметъ тогда, что каждому народу дорого свое родное, и онъ изъ сравненія различныхъ проявленій народнаго духа лучше и глубже постигнетъ особенности національнаго генія, своей народности; постигнетъ и, если въ немъ заложенъ даръ творчества, онъ будетъ развивать красоту національныхъ формъ до того совершенства, какое окажется возможнымъ для даннаго поколѣнія. Такъ Глинка и Римскій-Корсаковъ, впитавъ въ себя элементы народныхъ мелодій, оказались способными довести ихъ до высокой степени совершенства на радость не только согражданъ, но и всего культурнаго міра. Можетъ быть, насту-

пить такое время, когда всѣ національныя формы духовной жизни, какъ и языки, сольются въ одно великое цѣлое. Можетъ быть, но пока есть русскій языкъ, русская литература и русское искусство, какъ фактъ неоспоримый, не будемъ отворачиваться отъ нихъ, а будемъ любить ихъ и давать эту прекрасную и здоровую пищу нашимъ дѣтямъ. Общечеловѣческое отъ нихъ не уйдетъ. Подрастутъ, познакомятся съ иностранной литературой и великой міровой литературой. Еще подрастутъ, и вслѣдъ за экскурсіями по Россіи, совершать нѣсколько экскурсій на западъ и востокъ, въ африканскій или индійскій югъ и въ норвежскій сѣверъ, и глубже постигнуть и свое и общечеловѣческое. Еще лучше поймутъ они общемировую связь людей, если съ дѣтства начнутъ работать въ обобществленныхъ учрежденіяхъ, сначала въ предѣлахъ родины, затѣмъ въ границахъ европейскихъ, а тамъ и въ міровомъ масштабѣ. Участвуя въ регулированіи хлопчатобумажнаго производства, познакомятся съ добываніемъ хлопка въ Туркестанѣ, Египтѣ и Америкѣ; войдутъ въ сношенія съ рабочими хлопковыхъ территорій и почувствуютъ на работѣ связь производителей и потребителей, какъ элементовъ великаго цѣлаго, называемаго человѣчествомъ; и научатся уважать и любить и сарта, и феллаха, и негра, какъ членовъ одной великой арміи рабочихъ, но ар-

ми, которой не надо будетъ винтовокъ и крови, потому что все производство и всѣ средства пропитанія будутъ въ рукахъ тѣхъ, кто ихъ создаетъ; и люди будутъ жить безъ войнъ и безъ вражды. Но когда отработаютъ свое время и налюбуются красками и формами безконечно разнообразной міровой жизни, отдыхать и умирать придутъ въ свой родной уголокъ, къ той березкѣ, которую любили въ дѣтствѣ и къ тѣмъ пѣснямъ, которыя пѣла мать надъ постелью засыпающаго ребенка. И умретъ такой работникъ съ именемъ родины на устахъ и съ мыслью о міровомъ братствѣ народовъ.

III. Трудъ и работа.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ міровой жизни въ настоящее время надвигается крупный переломъ. Въ области народно-хозяйственной онъ заключается въ томъ, что на смѣну двумъ историческимъ періодамъ, феодальному (крупное землевладѣніе) и буржуазному (капиталъ) идетъ третій періодъ, въ которомъ первое мѣсто займетъ трудъ и его представители—трудовой классъ.

Изъ трехъ факторовъ производства — природы, капитала и труда—последній, въ оправданіе евангельскаго изреченія, займетъ первое мѣсто и положитъ свою печать на всѣ формы жизни, въ томъ числѣ и на духовную культуру. Само собой разумѣется, что переломъ этотъ завершится не на нашихъ глазахъ, такъ какъ это—процессъ длительный и сложный. Но первые признаки его мы наблюдаемъ уже сейчасъ, и школа не можетъ его игнорировать.

Школа всегда была отраженіемъ крупныхъ жизненныхъ теченій. Въ средніе вѣка она была церковной, въ торговыхъ пунктахъ бюргерской, въ эпоху Возрожденія школой Рамбальдоки-де-

Фельтра (Корелинъ. Очерки итальянскаго возрожденія), въ эпоху господства служилаго сословія—дворянской, въ эпоху государственной централизаціи—бюрократической, въ эпоху капиталистическую — коммерческой и торговой и въ эпоху революціонную—автономной. Не можетъ она остаться не реформированной и въ наше время въ духѣ тѣхъ жизненныхъ интересовъ, которые выступаютъ на первый планъ. Отсюда общеевропейское и американское движеніе въ сторону осуществленія въ жизни школы трудового начала.

Въ тѣсной связи съ указаннымъ социальнымъ переворотомъ стоитъ и *вопросъ о взаимоотношеніи физическаго и интеллектуальнаго труда*. Какъ это хорошо выяснилъ еще Менделѣевъ въ своей книгѣ «Къ познанію Россіи», работа и трудъ—понятія неравноцѣнные. «Работу, говоритъ онъ, могутъ производить и вѣтеръ, и вода, и животныя. Трудъ же есть дѣло чисто человѣческое, выражающееся не только внѣшнимъ, такъ сказать, физическимъ результатомъ, но и внутреннимъ духовнымъ способомъ». Къ работѣ, къ механическому воспроизведенію или передачѣ въ осязаемой формѣ того, что задумано творческимъ умомъ, можно принудить. Къ труду же, къ творческому нуженъ особый толчекъ личной воли. Въ этомъ смыслѣ кочегаръ, обслуживающій паровозъ, только «работаетъ», инженеръ, по чертежамъ ко-

торого построены самый паровозъ, «трудится». Механическую работу каждый видитъ (мозоли, потъ, движенія); трудъ, иногда очень большой и многозначительный, трудъ руководителя, ученаго, мыслителя — понятенъ только культурному уму. И разъ рабочій осозналъ значеніе свое въ организаціи хозяйственной жизни, онъ естественно приблизится къ свѣту знанія и свободы; его потянетъ въ царство труда, труда творческаго, интеллектуальнаго, свободнаго. Въ свою очередь, лица интеллектуальнаго труда должны будутъ взять на себя ту часть механической работы, которая будетъ сброшена съ плечъ рабочихъ и не будетъ выражена въ работѣ машины. Отсюда перераспределеніе работы и труда между классами даже въ рамкахъ капиталистическаго строя. Вотъ вторая причина, заставляющая школу реформировать свою программу въ духѣ гармоническаго развитія всѣхъ силъ человѣческаго организма.

Есть еще и третій источникъ движенія воды въ школѣ, это *принципъ моральный*, который не позволяетъ мириться съ дѣленіемъ труда на чистый и черныи и съ соответственнымъ дѣленіемъ на классы—рабочій и интеллигентный (буржуазный, какъ выражается масса). «Не справедливо, говоритъ Рескинъ, что мы постоянно стараемся отдѣлить ручной трудъ отъ умственной дѣятельности; хотимъ, чтобы одинъ человѣкъ всегда

размышлялъ, а другой всегда работалъ, и называемъ одного джентльменомъ, а другого—мастерымъ, тогда какъ мастеровому лучше было бы почаще размышлять, а мыслителю—работать, и обоимъ надо быть джентльменами въ лучшемъ смыслѣ слова, а теперь никто изъ нихъ не джентльменъ: одинъ завидуетъ ближнему, а другой его презираетъ, и общество преимущественно состоитъ изъ нездоровыхъ мыслителей и плохихъ мастеровыхъ». Только физическій трудъ дѣлаетъ мысль здоровою и только мышленіе дѣлаетъ работу осмысленной; ихъ нельзя раздѣлять безнаказанно. Презрѣніе къ физическому труду должно исчезнуть.

IV. Законы дѣтской природы.

Мы только что признали, что сущность перелома, совершающагося въ окружающей дѣйствительности, сводится къ тому, что *творчески свободный трудъ*, понимаемый, какъ основной факторъ производства и признаваемый въ моральномъ отношеніи *высшимъ началомъ жизни*, долженъ занять принадлежащее ему по праву *господствующее положеніе* въ жизни человѣчества; въ соотвѣтствіи съ этимъ и школа должна быть реформирована радикально. Все это такъ. Но ужъ сколько разъ мы ломали школу въ угоду господствующему направленію общественной жизни или политикѣ: то мы дѣлали ее церковной, то навигацкой, то создавали новую породу людей, то воспитывали людей 20-го числа, то коммерсантовъ; а теперь есть школы, которыя воспитываютъ кооператоровъ и скоро появятся школы, которыя будутъ создавать готовыхъ социалистовъ. Не пора ли покончить съ этими школьными экспериментами? Пора, и очень пора.

Въ настоящее время стало педагогической аксіомой, что въ школѣ цѣлью является ребенокъ и

запросы дѣтской природы, и что мы не должны ломать жизнь ребенка въ угоду своимъ социальнымъ цѣлямъ и политическимъ увлеченіямъ. Къ счастью, присматриваясь къ жизни ребятъ, мы видимъ, что въ данномъ случаѣ, когда намъ такъ нужна общественно-трудовая творческая работа, ребенокъ какъ разъ идетъ намъ навстрѣчу. И то, что намъ нужно ввести въ обиходъ школьной жизни — *активность и общественность* — какъ разъ вытекаетъ изъ законовъ дѣтской природы. Прежде всего ребенокъ по своей природѣ является существомъ по преимуществу активнымъ. Мы съ вами ходимъ, ребенокъ бѣгаетъ; мы равномерно шагаемъ, ребенокъ подпрыгиваетъ, иногда скачетъ на одной ногѣ, иногда любить пройти на четверенькахъ... Мы съ вами для своихъ важныхъ занятій чинно усаживаемся за столъ, въ удобное кресло; ребенокъ для своихъ не менѣе важныхъ занятій любитъ залѣзть подъ столъ и, выглядывая оттуда, лаять на проходящихъ. Онъ весь движеніе; онъ безъ усталости бѣгаетъ, поетъ, говоритъ, кричитъ, дерется, строитъ и разрушаетъ, плачетъ и хохочетъ, однимъ словомъ ни минуты не даетъ покою ни себѣ, ни другимъ. Мы можемъ сидѣть спокойно цѣлыми часами, отдавая чтенію или размысленію; ребенокъ еще не имѣетъ богатаго внутренняго міра, онъ не умѣетъ размышлять, «онъ думаетъ мускулами», и сидѣть

смирно для него сущее наказаніе. Строгая маменька внушительно говоритъ 4-лѣтнему сыну за обѣдомъ: «не стучи по тарелкѣ; сложи ручки вотъ такъ и сиди спокойно». Ребенокъ покоряется, онъ складываетъ ручки, какъ ему велятъ, но начинаетъ стучать ногами по стулу. Если опять послышится окрикъ, онъ заплачетъ, ибо то, чего отъ него требуютъ, для него непосильно, и ему остается только слезами выразить свой протестъ противъ насилія.

Итакъ активность—одинъ изъ важнѣйшихъ законовъ дѣтской природы. Другимъ закономъ является общественность. Дитя инстинктивно жметъ къ людямъ. Сначала ребенокъ держится за юбку матери; на 3-мъ году его уже тянетъ къ себѣ подобнымъ: въ обществѣ дѣтей ребенокъ чувствуетъ себя въ своей сферѣ; и лучшее средство сплотить массу дѣтей—это завести площадку для игръ.

Въ послѣднее время стали увлекаться (Геккель, Лампрехтъ) идеей параллелизма въ развитіи человѣчества и ребенка. Дитя проходитъ тѣ же ступени, что и дикарь. Отсюда «биогенетическій методъ» въ педагогикѣ. Уроки должны составлять рядъ открытій, дѣлаемыхъ ребенкомъ. Американскій педагогъ Дьюи рекомендуетъ ввести въ работу дѣтей воспроизведеніе первобытнаго ткацкаго станка, гончарныхъ издѣлій, плетенія и

т. п. Лампрехтъ собираетъ рисунки дѣтей, видя въ нихъ поразительное сходство съ рисунками дикарей (кстати сказать иногда въ высшей степени художественными). Блонскій рекомендуетъ дать школьнику старинную религію, литературу и искусство, которыя ближе и понятнѣе ему, чѣмъ идеи и чувства современныхъ взрослыхъ людей. Въ этомъ много вѣрнаго, если только все это будетъ примѣняться разумно и направляться опытною педагогическою рукою.

Во всякомъ случаѣ для примѣненія въ самомъ раннемъ возрастѣ трудового начала нѣтъ ничего непріемлемаго для дѣтей. Дѣти охотно, уже съ 2—3 лѣтъ помогаютъ (собственно вѣрнѣе бы сказать мѣшаютъ) въ кухнѣ, при собираніи на столѣ, подаютъ, приносятъ, подметають и вытирають. Правда и здѣсь дѣти тоже повторяють пути взрослыхъ. Передъ Пасхой наша няня, вытирая щеткой стѣны, кстати прошла и по моей великолѣпной постели, которой впрочемъ, я восторгался гораздо въ большей степени, чѣмъ мои гости. Постель поблекла, полиняла, и мой трудъ, можно сказать, пропалъ для потомства. Такъ и двухлѣтняя работница, случается усердно размазываетъ чернила по вашей рукописи, желая оказать вамъ услугу, но вѣдь нельзя же сердиться на этихъ милыхъ крошекъ, разъ онѣ примѣняютъ трудовой принципъ.

У. Трудовой принципъ.

Какъ бы то ни было надо условиться точно, что мы будемъ разумѣть подъ трудовымъ принципомъ. Одни подъ этимъ разумѣютъ самостоятельную работу дѣтей по наблюденію окружающей дѣйствительности подъ руководствомъ учителя; дѣти путемъ изслѣдованій и опытовъ открываютъ истины и постепенно доходятъ до сознанія законовъ причинности, которымъ подчиняется вся природа и въ значительной степени жизнь человѣчества. Это т. н. лабораторный методъ.

Другіе понимаютъ подъ трудовымъ началомъ—воспитаніе посредствомъ ручной работы (Handarbeit), т. е. или ручной трудъ, какъ отдѣльный предметъ (столярное дѣло, слесарное, картонажное) или какъ методъ обученія и воспитанія ¹⁾, ограниченный сливающимся съ предметами начального обученія (иллюстративное рисованіе, лѣпка, моделированіе и т. д.).

Третьи видятъ въ трудовомъ принципѣ сред-

¹⁾ См. мою брошюру: „Ручной трудъ, какъ методъ обученія и воспитанія“ (Спиридоновка, 14, изд. Школа), 45 коп.

ство воспитать привычку къ физическому и ремесленному труду въ огородѣ, въ саду и въ мастерскихъ въ цѣляхъ гармоническаго развитія силъ человѣка.

Наконецъ, четвертые видятъ въ трудовомъ началѣ лучшее средство выработать характеръ (Кершенштейнеръ), твердую волю (Наторпъ).

Если бы мнѣ предоставленъ былъ выборъ, то я склонился бы къ тому направленію въ разрѣшеніи этого сложнаго вопроса, наиболѣе яркимъ представителемъ котораго является проф. Робертъ Зейдель (Цюрихъ). Никто ни до него, ни послѣ него не ставилъ вопроса такъ прямо и рѣзко, и не приближался до такой степени къ вѣрному разрѣшенію. Онъ первый указалъ на то, что *реформа школы* въ духѣ трудового принципа есть, при современныхъ условіяхъ общественной жизни, *соціальная необходимость* ¹⁾. Его мотивировка сводится къ слѣдующему. Въ обществѣ древняго міра трудъ былъ удѣломъ несвободныхъ людей; общественное же воспитаніе было дѣломъ свободныхъ гражданъ, которымъ трудиться не полагалось; поэтому тогда не было ни политической, ни соціальной необходимости воспитанія привычки къ труду и посредствомъ труда. Въ на-

¹⁾ Его книга: „Трудовой принципъ воспитанія, какъ педагогическая и соціальная необходимость“, вышла въ 1885 г.; въ 1910 г. переиздана.

ше время, когда государство состоитъ изъ свободныхъ гражданъ, изъ которыхъ ^{9/10} живутъ трудомъ рукъ своихъ, существуетъ огромная потребность трудового воспитанія и образованія. Съ расцвѣтомъ буржуазнаго общества появляется раздѣленіе труда, вводятся машины, возникаютъ фабрики и заводы. Машинное производство вытѣсняетъ ручное, домашній трудъ уступаетъ фабричному, а семья совершенно лишается своего характера трудовой общины. Пока семья была рабочей общиной, дѣти научались труду у отца и матери, и семья выполняла важную задачу трудового воспитанія. Нынѣ же, при господствѣ колоссальнаго раздѣленія труда, трудовыя школы являются насущной соціальной и государственной необходимостью. Государство и общество заинтересованы въ томъ, чтобы дѣти находились подъ благотворнымъ вліяніемъ трудового воспитанія, чтобы они получали свою подготовку къ жизни и общее образованіе черезъ трудъ и для труда.

Было время когда цехи прекрасно выполняли эту задачу профессионально-трудового воспитанія молодого поколѣнія. Но цехи безслѣдно исчезли; нѣтъ больше ни ремесленнаго профессиональнаго труда, ни мастеровъ, и юношеству не отъ кого научиться господствующему машинному производству. Чтобы воспитать изъ молодого поколѣнія профессиональныхъ работниковъ, при-

годныхъ для участія въ современномъ машинномъ промышленномъ производствѣ, нужны учебныя мастерскія, ремесленныя и профессиональныя школы, торговыя, сельскохозяйственныя и техническія школы. И люди, хотятъ ли они или нѣтъ, *должны дѣйствовать согласно законамъ общественнаго развитія*. «Трудъ является необходимымъ и почетнымъ фактомъ общественной и экономической жизни, поэтому онъ считается и не менѣе необходимымъ факторомъ воспитанія гражданъ». Эту социальную необходимость Зейдель подтверждаетъ и педагогическими соображеніями. «Фактъ, подтвержденный опытомъ, говоритъ онъ, что духовныя способности однихъ людей развиваются, вырабатываются и крѣпнутъ только на почвѣ *практической дѣятельности* въ лабораторіяхъ, у верстака, въ полѣ и огородѣ; у другихъ онѣ развиваются только на почвѣ такой дѣятельности, гдѣ находятъ себѣ примѣненіе ихъ *соціальныя наклонности*; и у третьихъ на почвѣ практическаго примѣненія ихъ *нравственныхъ наклонностей*». Отсюда отрицательное отношеніе Зейделя къ современной психологіи, съ точки зрѣнія которой всѣ такіе люди должны быть признаны неспособными; «это—психологія одной умственной, а не всесторонней практической дѣятельности человека; это—психологія «учебной», а не трудовой школы». *«Цѣлью воспитанія должно быть*

гармоническое обрѣзованіе и развитіе всѣхъ сторонъ многогранной природы человека, считается какъ съ запросами личности, такъ и съ социальнымъ моментомъ».

Идеи Зейделя, встрѣченныя сначала бранью и замалчиваніемъ въ педагогической прессѣ Германіи, вскорѣ, однако, получили быстрое распространеніе въ Англіи и Америкѣ. И все же надо сказать, что хотя Зейдель поразительно вѣрно отмѣтилъ основныя требованія социальной жизни, проектируемая имъ структура трудовой школы слишкомъ мало удѣляетъ вниманія тѣмъ жизненнымъ теченіямъ, которыя идутъ дальше машиннаго производства и имѣютъ въ виду болѣе глубокія социальныя перемены, уже надвигающіяся на нашихъ глазахъ.

Прежде всего, я имѣю въ виду то теченіе промышленной жизни, которое не подчиняется всецѣло вліянію крупной индустріи и крупнаго капитала. Это быстро развивающаяся художественно-промышленная дѣятельность. Здѣсь господствуетъ не машина, а рука, не механическая повторяемость, а творческое разнообразіе издѣлій. Эти отрасли промышленности могутъ пользоваться нѣкоторыми формами крупнаго капиталистическаго производства особенно въ дѣлѣ закупки сырья, продажи продуктовъ и обезпеченія кредита, но по формѣ производства это—мелкая (кустарная) про-

мышленность, и она отлично выдерживает конкуренцію съ машиннымъ производствомъ, такъ какъ здѣсь царитъ творческій гений художника—мастера ¹⁾).

Затѣмъ, я имѣю въ виду и тѣ формы экономической жизни, которыя являются уже переходной формой къ коллективизму, особенно въ сельскохозяйственной области. Въ Даніи, Бельгіи, Англіи и даже въ самой Германіи, если не производство, то потребление и обменъ, въ колоссальномъ масштабѣ и съ необычайной быстротой принимаютъ формы кооперативно-обобщественнаго хозяйства. Въ этихъ ячейкахъ нарождающейся социальной жизни, по крайней мѣрѣ въ области сельскохозяйственной, машина играетъ не столь фатально—доминирующую роль, какъ въ фабрично-заводскомъ производствѣ, и самый капиталъ становится не господиномъ, а слугою трудового коллектива. Поэтому и формы общественной и духовной культуры принимаютъ здѣсь другой характеръ, болѣе благоприятный для правильной постановки трудовой школы. И вотъ тутъ-то мы и встречаемся съ тѣмъ вопросомъ, постановка котораго совершенно упущена у Зейделя, а именно

¹⁾ Само собой разумѣется, что сюда не подходятъ тѣ мелкія производства (гвоздарное, сапожное, шляпное и т. п.), гдѣ искусство не играетъ большой роли и гдѣ конкуренція съ машиной немыслима.

съ вопросомъ о взаимоотношеніи творческаго труда и механической работы. Зейдель не идетъ дальше подчиненія чловѣка тому факту современной дѣйствительности, что машина и крупный капиталъ являются строителями жизни. Но хотя онъ и обрушивается на «пророковъ и мечтателей», но онъ ошибается, если совершенно отрицаетъ возможность измѣнять дѣйствительность согласно идеаламъ, вытекающимъ не изъ утопическихъ основаній, а изъ внимательнаго изученія нарождающихся новыхъ требованій той же дѣйствительности. Будемъ смѣлѣе и скажемъ, вмѣстѣ съ неокантианцами, что «идеаль реальнѣе дѣйствительности, потому, что идеаль преобразуетъ дѣйствительность, а дѣйствительность безъ идеала умираетъ», чему мы свидѣтелями нынѣ всѣ являемся: гибнетъ родина, ибо нѣтъ идеи родины въ душѣ народа. Ошибка Зейделя въ томъ и заключается, что онъ не обратилъ вниманіе на противоположность *сущаго* и *должнаго*, о которой мы говорили выше. И если для тѣхъ сферъ жизни, которыя уже всецѣло подчинились вліянію крупнаго капиталистическаго строя въ его буржуазной формѣ, принципы трудовой школы Зейделя вѣрны, то въ тѣхъ отрасляхъ промышленной дѣятельности, которыя допускаютъ большой просторъ для творческаго гения чловѣка, гдѣ механическая работа чередуется съ трудомъ художника и мыслителя, гдѣ на-

конецъ даже въ сферѣ машиннаго производства могутъ быть допущены новыя комбинаціи распре-
дѣленія труда; тамъ и формы трудового воспита-
нія должны будутъ подвергнуться соотвѣтствующимъ измѣненіямъ. И въ этомъ смыслѣ трудовая
школа все еще, ждетъ своихъ пророковъ и вож-
дей. А пока будемъ признавать подлѣ трудовымъ
началомъ—*начало синтеза механической работы
и творческаго труда.*

VI. Трудовая семья и до-школьное воспитаніе.

Само собою разумѣется, что крайне жестоко и
нецѣлесообразно допускать то, что мы сейчасъ до-
пускаемъ съ такимъ легкимъ сердцемъ, по отно-
шенію къ дѣтямъ рабочихъ. Семья, какъ хозяй-
ственная ячейка, въ районахъ съ фабричнымъ
населеніемъ разрушена: и отецъ и мать на фабри-
кѣ, домашнее производство сводится къ приго-
товленію обѣда и постановкѣ самовара, а дѣти
брошены на произволъ судьбы. Они не знаютъ,
что имъ дѣлать; дома они мѣшajúть, ихъ выгоня-
ютъ на улицу; тамъ они, оставаясь безъ призора,
впитываютъ все дурное, какъ губка влагу. Непе-
чатная брань, неприличныя пѣсни, мелкое воров-
ство (уже 3-лѣтніе карапузы таскаютъ съ возовъ
дрова) азартныя игры, куреніе, а позднѣе и раз-
вратъ—вотъ тѣ антисоціальныя навыки, которые
приобрѣтаютъ будущіе граждане нашего «соціали-
стическаго отечества». Потомъ они поступаютъ
въ школу, и школа начинаетъ ихъ отчищать отъ
жизнейской грязи, но такъ какъ привычки сильнѣе
словъ учителя, то грязь остается и отравляетъ все

послѣдующее существованіе гражданина, а обществу приходится тратить громадныя средства на борьбу съ укрьпившимися антисоціальными привычками, и притомъ большею частью безплодно. Однимъ словомъ, мы повидимому страшно богаты, потому, что швыряемъ деньги въ печку и не бережемъ тотъ цѣнный капиталъ, который представляетъ изъ себя трудовое населеніе. Гораздо разумнѣе было бы и дешевле позаботиться во время о надлежащей трудовой подготовкѣ будущихъ гражданъ. Начинать, конечно, надо съ семьи, т.-е. съ родителей. Должны быть широко распространены рабочіе клубы, въ которыхъ родители могли бы уяснить себѣ правильные пути воспитанія малыхъ ребятъ. Однако, рядомъ съ этимъ должны быть устроены ясли и очаги, куда рабочіе могли бы приносить дѣтей на время своей отлучки, въ увѣренности, что дѣти найдутъ разумный уходъ. За очагами должны слѣдовать дѣтскіе сады, которые должны быть устроены не только въ городѣ, но и въ деревнѣ. Заграницей эти учрежденія устраиваются для дѣтей 3 — 6 лѣтняго возраста; у насъ возрастъ населенія дѣтскихъ садовъ долженъ быть повышенъ въ соотвѣтствіи съ возрастомъ, въ какомъ дѣти принимаются въ школу, а также въ зависимости отъ финансовыхъ и техническихъ средствъ.

Во всякомъ случаѣ уже въ этотъ начальный

періодъ роста дѣтскаго организма, помимо обычныхъ образовательныхъ и воспитательныхъ задачъ (развитіе органовъ внѣшнихъ чувствъ, наблюдательности, умѣнія воспринимать явленія, воспитаніе элементовъ общественности), вводится задача приучить дѣтей, въ посильной для нихъ формѣ, къ мысли о необходимости труда. Я видѣлъ заграницей, въ Песталоццевскомъ домѣ въ Берлинѣ, какъ охотно дѣти 3—6 лѣтъ поливаютъ цвѣты, ухаживаютъ за животными, готовятъ кушаніе, стираютъ, подметають, красятъ бесѣдку и т. п. Всѣ эти работы чередуются съ играми, пѣснями, танцами, прогулками и отдыхомъ. Впрочемъ, долженъ сказать, что то, что я видѣлъ въ Берлинѣ въ т. н. Народномъ дѣтскомъ саду, предназначенномъ для дѣтей рабочихъ, представляетъ одно сплошное безобразіе: помѣщеніе скверное, самостоятельность подавлена, воспитаніе сводится къ дрессировкѣ. У насъ въ Россіи есть прекрасныя садовницы, есть и учрежденія, которыя ихъ готовятъ, но совершенно очевидно, что организація дѣтскихъ садовъ для всего трудового населенія потребуетъ такого громаднаго персонала руководительницъ, и такихъ колоссальныхъ затратъ, что государство съ этой задачей не справится, а само населеніе подойдетъ къ практическому разрѣшенію этого вопроса только тогда, когда необходимость дошкольнаго образованія и

воспитанія войдетъ въ его сознаніе. Для этого требуется время, и не малое.

Въ настоящее время спѣшно подготавливаются кадры садовницъ; но, напр., въ Перми въ это лѣто подготавлилось на курсахъ, 100 человекъ, а требованій съ мѣстъ по губерніи было 500; и такъ вездѣ, спросъ превышаетъ предложеніе. Въ Нижегородской губ. даны были средства на 50 дѣтскихъ садовъ, а открыто было около 20: нѣтъ руководительницъ. Въ то же время и форма, въ какую выливается дѣтскій садъ въ русской деревнѣ въ настоящее время, получаетъ своеобразный отпечатокъ. Это, повидимому, будетъ придаatokъ къ начальной школѣ снизу; по всей вѣроятности, по недостатку средствъ, придется ограничиться лѣтней подготовкой тѣхъ ребятъ, которыя должны поступить въ школу. Но и при такой постановкѣ дѣла, трудовой принципъ можетъ лечь въ основу до-школьнаго воспитанія. Дѣти жаждутъ дѣятельности—надо дать имъ матеріалъ, соответствующій ихъ силамъ. Начало активности въ этомъ возрастѣ фантазія; надо дать ей ходъ въ играхъ и въ работѣ. Надо приучить дѣтей правильно пользоваться своими органами чувствъ: пусть выучатся различать цвѣта, форму предметовъ, ихъ величину, разстояніе; пусть развиваютъ чувство осязанія, чувство слуха (тона, полутона), пусть изучаютъ народныя пѣсни въ научной гармонизаціи;

пусть строятъ, лѣпятъ и рисуютъ, пусть понемногу работаютъ въ школьномъ огородѣ и саду, пусть приучаются къ чистотѣ и дѣловой дисциплинѣ, вырабатываемой естественнымъ путемъ при всякой групповой работѣ. Сказки, рассказы, чтеніе и бесѣды о природѣ, о домашнихъ животныхъ, о рыбахъ, гусеницахъ, бабочкахъ, мухахъ; паукахъ, пчелахъ, о растеніяхъ и сѣменахъ, о птицахъ и гнѣздахъ—все это вызоветъ интересъ къ школѣ, подготовитъ къ ученію. Что дѣло школьнаго обученія выиграетъ отъ до-школьной подготовки, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Посмотрите только на ребятъ, которыхъ въ первый разъ привели въ школу. Вотъ ребенка посадили на парту, онъ долженъ слушать и понимать, что ему говорятъ, но онъ еще никогда никого, какъ слѣдуетъ, не слушалъ: его вниманіе не можетъ сосредоточиться, потому что сообщаемое не связано съ его маленькимъ внутреннимъ міромъ. Даютъ ребенку ручку: «пиши», но у него пальцы, какъ деревянные, онъ никогда еще не держалъ ими карандаша, да къ тому же не изображалъ на бумагѣ того, что ему нравится; его заставляютъ писать какіе-то некрасивые крючки, которые ему вовсе не по вкусу, но школа не имѣетъ времени считаться съ его вкусами. Ему велятъ держать руки на партѣ, а не махать, или во время урока не

качать ногами подъ партой, но его члены не привыкли подчиняться его разуму, онъ никогда не стоялъ въ стройныхъ рядахъ вмѣстѣ съ другими дѣтьми за ритмической гимнастикой, никогда его члены не приходили въ движеніе и не останавливались по требованію руководительницы и по указанію музыкальнаго аккорда и часто умныя и способныя дѣти, не умѣя владѣть своими органами и своимъ вниманіемъ, попадаютъ въ разрядъ неспособныхъ и начинаютъ шалить.

И мы должны пойти навстрѣчу требованіямъ жизни и позаботиться объ организаціи такихъ дошкольных учреждений, гдѣ ребенку давались бы начатки правильнаго воспитанія, чтобы онъ привыкъ не къ шалостямъ, а къ интересной для него работѣ, гдѣ бы онъ привыкъ бы управлять своими членами и изощрилъ бы свои чувства, свое вниманіе и свои творческія силы.

Дошкольное воспитаніе, это—фундаментъ, который долженъ быть подведенъ подъ начальную школу ¹⁾.

---

¹⁾ Извѣстія по народн. образ. Пермскаго Окр. Совдепа, № 2.

VII. Трудовая школа.

Въ доброе старое время задача начальной школы была ясна: обучать чтенію, письму и счету да выучить молитвы — дѣло немудрое. Теперь, когда народъ просыпается отъ вѣковаго рабства, жизнь его будетъ гораздо сложнее: онъ пожелаетъ знать, что такое жизнь? въ чемъ ея смыслъ? что такое природа? каковы ея законы? онъ будетъ стремиться не только къ знанію, но и къ творчеству; онъ жадно будетъ впитывать въ себя красоту жизни и пожелаетъ участвовать въ ея строительствѣ. А строить придется многое: и свою семью, и общину, и родину, ея хозяйство, ея счастье; придется войти и въ общечеловѣческую семью и вмѣстѣ съ другими народами творить лучшее будущее всего міра.

Какія сложныя великія задачи ставитъ передъ нами жизнь! Какая необъятная ширь и даль раскрывается передъ взоромъ проснушагося работника-строителя! А вѣдь школа должна подготовить его къ этому большому и великому творческому труду. Какъ осложняются задачи школы и какъ вырастаетъ значеніе учителя!

Какъ же мы опредѣлимъ теперь задачи школы? Задачи эти опредѣляются самою жизнью. Не будемъ мудрствовать лукаво; будемъ говорить простымъ, понятнымъ языкомъ. Жить значить дышать, двигаться, мыслить и чувствовать, страдать и радоваться, плакать и молиться, работать и питаться, любить и гнѣваться, уставать и отдыхать—все это жизнь. Но во всемъ этомъ основныхъ два процесса: одинъ процессъ — *воспринимать жизнь*; здѣсь каждый изъ насъ является объектомъ воздѣйствія природы и людей на насъ. Другой процессъ — *реагировать на воспріятія*, проявлять себя, воздѣйствовать на природу и людей; здѣсь каждый изъ насъ является субъектомъ дѣйствій, работникомъ и творцомъ жизни. Отсюда и двѣ основныхъ задачи школы: 1) школа должна научить ребятъ правильно воспринимать и познавать міръ, 2) правильно реагировать на него, умѣло строить окружающее, чтобы жизнь ширилась и развивалась, а не замирала, ибо если мы живемъ для счастья, то уже самый процессъ жизни и есть счастье; это ясно, какъ Божій день, такъ какъ даже старикъ и тотъ хочетъ жить, не хочетъ умирать.

Соотвѣтственно указаннымъ двумъ задачамъ школы мы и опредѣляемъ яснѣе два понятія, которыя такъ тѣсно связаны съ жизнью школы; первая задача — *учиться познавать* — *задача образова-*

тельная, вторая задача — *учиться строить* — *задача воспитательная*. И долго педагоги, особенно средней школы, отрешивались отъ второй задачи: мы молъ служители науки, а не воспитатели, это задача семьи и помощниковъ классныхъ наставниковъ, а наше дѣло учить; ученіе само по себѣ воспитываетъ, наука облагораживаетъ; отсюда терминъ «воспитывающее обученіе» (Герbartъ).

Конечно, вѣрно то, что воспитаніе нельзя отдѣлить отъ образованія, такъ какъ сознательнымъ волевымъ дѣйствіямъ предшествуетъ мысль, но вѣрно и то, что мысль цѣнна не сама по себѣ, а по ея жизненной цѣнности; она цѣнна потому, что можетъ быть претворена въ жизнь; знанія должны вести къ пониманію, а пониманіе къ дѣйствіямъ въ жизни, съ цѣлью ея строительства. Конечно, вѣрно и то, что привычка къ усидчивой учебной, а въ послѣдствіи къ научной работѣ, которой всегда требовала школа, есть воспитаніе полезной привычки; вѣрно, что преодоленіе учебныхъ трудностей полезно въ воспитательномъ отношеніи.

Но какъ мало творчества во всей этой усидчивости! и какъ далеко ушли отъ радостной жизни всѣ эти учебныя усилія! Вѣдь все это воспитаніе не выходитъ изъ рамокъ внутренней логической работы, и когда такой мыслитель, получивши аттестатъ зрѣлости, выходитъ въ жизнь, то мы, разсчитывая на конструирующую силу внушенныхъ

ему идей, привѣтствуемъ его, какъ будущаго общественнаго работника, а онъ, нерѣдко воспользовавшись даннымъ ему отвлеченнымъ знаніемъ, начинаетъ кромсать жизнь по вычитаннымъ изъ книжекъ доктринамъ, и не столько строить, сколько портить. И хорошо, если школа оставила ему хоть каплю простого здраваго смысла, онъ быстро сумѣетъ ориентироваться, пойметъ уроки жизни и выработается въ полезнаго работника. Но если онъ потерялъ способность понимать жизнь иначе, какъ разсматривая ее сквозь очки заученныхъ формулъ, то онъ навѣки потерялъ и для науки и для жизни. Иногда такой умникъ, не получивши въ школѣ нравственнаго закала, даже сознательно служить своимъ эгоистическимъ интересамъ, не заботясь ни объ общественности, ни о народѣ. Такой дѣятель гораздо вреднѣе невѣжды уже потому, что онъ обладаетъ громаднымъ могуществомъ, какое даетъ знаніе. И когда мы говоримъ о воспитаніи, то мы имѣемъ въ виду не воспитаніе усидчивости и способности къ логическимъ операціямъ, мы разумѣемъ воспитаніе духа общественности, выработку умѣнія строить жизнь во всемъ разнообразіи ея проявленій въ сферѣ хозяйственной, технической, соціальной и духовной.

Итакъ, наша школа будетъ школой жизни. Но не рано ли учиться строить жизнь въ дѣтскомъ возрастѣ? Нѣтъ, не рано, а какъ разъ во время.

Въ начальной школѣ, конечно, соотвѣтственно возрасту и праву ребенка на дѣтскую радость, серьезная сторона жизни, ея страданія и тягость, должны допускаться въ мѣру, иначе неокрѣпшій организмъ ребенка надломится, но эти страданія, эти тяготы не изгоняются, съ ними считаются, съ ними учатъ бороться. Какова же задача начальной школы въ сферѣ обученія? Гармоническое развитіе всѣхъ способностей ребенка, возбужденіе любознательности, заложеніе фундамента, необходимаго для познанія міра, умѣнія разбираться въ вопросахъ добра и зла, умѣнія осуществлять принятые рѣшенія на практикѣ въ духѣ общечеловѣческой и уваженія къ личности. Не мѣсто здѣсь говорить подробно о методахъ обученія и воспитанія. Это дѣло особаго труда, особой книжки. Но иллюстрировать свою мысль считаю необходимымъ.

Сначала я нарисую общую картину трудового воспитанія. Прежде всего надо создать благоприятную въ воспитательномъ отношеніи среду. Идеальной средой является трудовая община. Въ сельской обстановкѣ группа общинниковъ работаетъ въ потѣ лица своего надъ землей; расчищаетъ лѣсъ, вводитъ рациональное хозяйство, пахаетъ, сѣетъ, убираетъ хлѣбъ и траву; заводитъ скотъ, получаетъ молочные продукты; имѣетъ пчелъ, птицъ; организуетъ общее производство и

потребленіе. Въ домѣ общая столовая, читальня, отдѣльныя комнаты для членовъ общины. При общинѣ ясли, дѣтскій садъ съ особой руководительницей. Матери, имѣющія новорожденных несутъ такія обязанности, которыя даютъ возможность не отходить далеко отъ своихъ ребятъ. Всѣ продукты хозяйства идутъ на общину. При продажѣ продуктовъ часть идетъ въ запасный капиталъ. На руки деньги выдаются въ очень небольшихъ суммахъ, такъ какъ въ нихъ нѣтъ надобности. Среди такой трудовой общины растутъ дѣти; съ дѣтства они поневолѣ втягиваются въ общую работу. Они помогаютъ взрослымъ въ мѣру своихъ силъ.

Но вотъ они поступили въ начальную школу (1-я ступень). Участіе въ работѣ взрослыхъ уже создало у нихъ трудовые навыки; въ педагогическомъ отношеніи они прекрасно подготовлены: они знакомы съ природой, съ конкретными вещами; они считали, измѣряли, взвѣшивали, осязали и наблюдали. Органы внѣшнихъ чувствъ у нихъ развиты нормально. Поэтому и ученіе идетъ правильно. Въ школѣ дѣти устраиваютъ свою общину: они сами поддерживаютъ чистоту, они имѣютъ свои общественныя грядки, свой садъ; они украшаютъ школу своими работами, рисунками, цвѣтами; они приучаютъ вѣдать библіотеку, учебныя пособія; они производятъ систематическія

наблюденія и простѣйшіе опыты, на урокахъ ручного труда, въ дѣтской мастерской они воспроизводятъ всѣ тѣ явленія, которыя изучали на урокахъ, органически связывая свою работу съ учебнымъ матеріаломъ; они рисуютъ, лѣпятъ, моделируютъ.

На 2-й ступени обученія они начинаютъ изучать ремесло въ мастерскихъ: столярной, картонажной, слесарной. Они не только работаютъ для школы, они учатся работать для жизни, для общины.

Переходя къ юношескому возрасту, они выбираютъ себѣ специальность по склонности. Нѣкоторые на 3-й ступени получаютъ подготовку къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ. Если есть призваніе къ изученію искусства или техники, они получаютъ средства на поѣздку въ соответствующій городъ. Но черезъ 4—5 лѣтъ ихъ потянетъ обратно и община обогатится новыми силами. Они обзаводятся семьей. Въ общинѣ нравы строгіе; флиртъ неумѣстенъ; серьезность чувствъ и многолѣтнее взаимное знакомство гарантируетъ прочность семейныхъ отношеній. Новые члены общины допускаются лишь послѣ годичнаго испытанія. Кто окажется способнымъ участвовать въ общемъ трудѣ, какъ черномъ, такъ и чистомъ, кто сумеетъ ужиться съ товарищами, тотъ остается, пока не пожелаетъ уйти самъ. Прибавлю, что въ общинѣ

цѣнятся искусство; всѣ равны другъ другу; всѣ братья и сестры; наемный трудъ отсутствуетъ. И это не утопія, а дѣйствительность, которая существуетъ у насъ въ Россіи (въ Черниговской и въ Пермской губ.).

Вотъ та обстановка, въ которой легче всего примѣнить трудовое начало въ обученіи и воспитаніи дѣтей.

Теперь я возьму примѣръ чисто педагогическій, изъ области образованія представленій. Нѣтъ надобности доказывать, что ясныя и вѣрныя представленія о вещахъ являются необходимымъ фундаментомъ для всей дальнѣйшей образовательной работы; послѣдующія ступени логическаго мышленія—сравненія, сужденія, умозаключенія—пріобрѣтаютъ истинную цѣну только въ томъ случаѣ, если они опираются на прочный фундаментъ первоначальныхъ воспріятій. И когда мы образуемъ въ душѣ ребенка богатый запасъ вѣрныхъ и яркихъ представленій о реальномъ мірѣ, мы тѣмъ самымъ обеспечиваемъ ему возможность дальнѣйшаго, правильнаго духовнаго развитія. И вотъ здѣсь мы должны признать, что ничто такъ не способствуетъ яркости и опредѣленности воспріятій, какъ попытки ихъ воспроизведенія. Такъ мы подходимъ къ ручному труду, какъ методу обученія и воспитанія.

VIII. Ручной трудъ, какъ методъ.

Въ послѣднее время психологи обратили вниманіе на громадное значеніе мускульныхъ, или двигательныхъ ощущеній. Какъ извѣстно, подъ ощущеніями мы разумѣемъ тѣ простѣйшіе акты нашего сознанія, которые получаются, какъ слѣдствіе раздраженія нашей нервной системы подъ воздѣйствіемъ окружающей насъ среды. Каждое ощущеніе можетъ быть возобновляемо въ нашемъ сознаніи въ отсутствіи предмета, его вызвавшего, и тогда оказывается представленіемъ. Мускульнo-осязательныя, или двигательныя ощущенія, подобно слуховымъ и зрительнымъ, остаются въ нашей нервной системѣ слѣды, и притомъ, повидимому, наиболѣе прочныя; способность возобновлять ихъ (Вундтъ) называется мускульной памятью. На этомъ основаніи цѣлый рядъ психологовъ утверждаетъ, что отъ пассивныхъ знаній, пріобрѣтаемыхъ лишь глазомъ и ухомъ, мало пользы, и что ребенокъ можетъ дѣйствительно понять только то, что онъ сдѣлалъ руками, относительно чего у него есть двигательный

опытъ. Вотъ почему ручныя работы должны занимать выдающееся мѣсто и въ воспитаніи, и въ изученіи всякаго предмета: ариѳметики, языковъ, естественныхъ наукъ, географіи. Это увлеченіе приобрѣло въ послѣднее время характеръ эпидемическій, и всѣ подготовительныя школы отдали или отдають дань этому интересному теченію. Я хочу сказать, какъ я смотрю на это дѣло.

Постараемся уяснить, что происходитъ въ душѣ ребенка, когда онъ воспроизводитъ свои представленія. Допустимъ, онъ вырѣзаетъ изъ бумаги льва или верблюда; пока онъ говоритъ объ этихъ животныхъ, пользуясь словесной формой, ему кажется, что онъ знакомъ достаточно съ ихъ очертаніями, но когда ему приходится нарисовать, вырѣзать или вылѣпить фигуру верблюда, онъ почувствуетъ впервые потребность выяснить свое представленіе въ болѣе точной формѣ, ибо оказывается, что до сихъ поръ онъ довольствовался представленіемъ очень туманнымъ и невѣрнымъ. Впервые передъ нимъ встають вопросы: какъ длинна у животнаго шея? Чѣмъ кончается хвостъ? Какъ великъ горбъ? Какъ сложенъ у него черепъ? Гдѣ у него уши и какой они длины? Однимъ словомъ, когда ребенку надо сдѣлать вещь, надо прежде всего знать ее. Въ этомъ простое и въ то же время великое значеніе динамическаго, или дѣятельнаго обученія, то есть обученія черезъ

воспроизведеніе нашихъ представленій. При чемъ тутъ мускульная память? Не отрицаю, что мускулы, участвовавшіе при вырѣзаніи или лѣпкѣ, помогутъ усвоенію формъ даннаго предмета, но главная роль здѣсь принадлежитъ не мускульнымъ ощущеніямъ, а тому *напряженному вниманію*, которое необходимо возбуждается, когда сознанію предстоитъ контролировать и направлять активно работающій органъ; все дѣло въ томъ *анализѣ*, который производитъ сознаніе ребенка, когда ему нужно уяснить путь, по которому пойдетъ инструментъ, или пальцы.

Благодаря вниманію и интересу, который всегда вызывается активнымъ (самостоятельнымъ) проявленіемъ нашего «я», анализъ нашихъ воспріятій получаетъ необыкновенную *силу и точность*. Благодаря этому, слѣды, оставляемые въ нашей психикѣ подобнаго рода воспроизведенными воспріятіями, дѣлаются особенно прочными и такого рода пріемы обезпечивають прекрасно дѣйствующую *память*. Напомню, что всѣ великіе умы отличались необыкновенною силою памяти. И это понятно. Вѣдь вся дальнѣйшая работа ума требуетъ прежде всего, чтобы въ нашей душѣ сохранялся богатый запасъ воспріятій.

Однако ребенку нужна не только память, не только матеріалъ, а и умѣніе строить изъ этого матеріала, т.-е. *творческая способность*. Въ этомъ

отношеніи я нѣсколько скептически отношусь къ увлеченію теоріей мускульныхъ навыковъ.

Этотъ частичный вопросъ разрѣшается такъ же, какъ и болѣе широкій вопросъ о цѣнности навыковъ вообще для нашей психики, на почвѣ общихъ біологическихъ законовъ. Привычныя ассоціаціи, техника привычныхъ движеній (въ работѣ, въ музыкѣ, въ психической дѣятельности), несомнѣнно экономятъ наши силы и освобождаютъ часть энергіи для новой работы; но въ то же время организмъ, построившій свою жизнь исключительно на привычныхъ ассоціаціяхъ, самъ роетъ яму, механизирова процессъ жизни и превращая живое въ мертвое. И тамъ, гдѣ въ ручномъ трудѣ начинается фигурировать линейка и циркуль, тамъ наступаетъ опасность односторонняго развитія механическаго начала; тамъ въ значительной степени парализуется воспитательное значеніе активной работы, по крайней мѣрѣ ея значеніе для развитія творческихъ силъ ребенка, для умѣнія комбинировать матеріалъ по своему.

IX. Мастерскія.

Однако въ жизни ребенка рано или поздно наступаетъ моментъ, когда онъ долженъ приступить къ обученію механической работѣ. Нельзя только творить, только свободно строить жизнь. Нужно считаться и съ *закономъ необходимости*, которому мы должны подчиниться, но не какъ рабы, а какъ свободные люди. Этотъ законъ исходитъ не отъ людей, а отъ природы, и поэтому онъ нашего достоинства не унижаетъ.

Вся природа—земля и солнце, рѣки и моря, лѣса и облака,—все подчиняется опредѣленному закону, во всемъ есть ритмъ и порядокъ, и человекъ, какъ часть природы, подчиняется этому порядку. Конечно, какъ вольный сынъ земли, онъ можетъ и не подчиниться этому закону, можетъ предпочесть смерть. Но согласитесь съ тѣмъ, что жизнь прекрасна именно потому, что въ ней есть твердый порядокъ, есть законы природы. Познавъ эти законы, мы начинаемъ управлять жизнью, мы устанавливаемъ господство надъ природой, заставляемъ ее служить человечеству. И если кого угнетаетъ мысль, что онъ, какъ рабъ, долженъ ежедневно питаться и трудиться, то пусть такой

пессимистъ обратится къ простому средству: пусть не ѣсть до тѣхъ поръ, пока не захочеть ѣсть, и тогда самый простой обѣдъ покажется ему необычайно привлекательнымъ и онъ съѣстъ его уже не какъ рабъ, а добровольно; онъ этимъ вернуть себѣ гордое сознаніе ювой свободы.

Трудъ, правда, тяжелъ, но онъ тяжелъ отъ людей, которые создали эксплуатацію и рабовъ, а не по своей природѣ. Съ необходимостью труда надо поступить такъ же, какъ съ необходимостью питанія. Трудиться надо надъ любимымъ дѣломъ, тогда трудъ покажется не только легкимъ и радостнымъ, но человѣкъ склоненъ будетъ даже работать сверхъ силъ, потому что имъ двигаетъ увлеченіе и интересъ къ дѣлу. Съ этимъ, конечно, тоже надо бороться, но это борьба не съ рабствомъ, налагаемымъ внѣшнею силою, это борьба съ злоупотребленіемъ своей свободой.

Итакъ, всякая необходимость, вытекающая изъ природы вещей, меня лично не можетъ сдѣлать рабомъ. И міръ необходимости для меня столь же прекрасенъ, какъ и міръ свободы.

А между тѣмъ въ своей воспитательной практикѣ мы допускаемъ одну громадную ошибку. Мы оставляемъ для образованныхъ *радость труда творческаго* и переносимъ на плечи рабочаго *тяжесть труда механическаго*. Конечно, мы благородны и хлопчемъ о 8-часовомъ трудѣ для рабо-

чаго, но только не желаемъ сами быть рабочими. И если мы хотимъ дѣйствительно реформировать свою школу, то мы должны эту реформу поставить не только на психологическія основы, но и на социальныя. Вотъ почему уже въ школѣ, съ возраста лѣтъ 12, т.-е. на 2-й ступени обученія, мы въ качествѣ могучаго воспитательнаго, а я скажу и образовательнаго средства, должны организовать для учащихся *мастерскія*, въ которыхъ они будутъ приучаться быть не только свободными мыслителями, но и рабочими, совершающими необходимую для жизни механическую работу. И это требованіе гармонируетъ съ народнымъ міровоззрѣніемъ. «У насъ такъ, говоритъ крестьянинъ: коли онъ въ 12 лѣтъ подаетъ въ домъ, то это сынъ, а коли не подаетъ, то это не сынъ». Къ этому времени силы ребенка уже настолько окрѣпли, что онъ можетъ приступить къ изученію болѣе тяжелой работы, сначала столярной, картонажной, затѣмъ слесарной и другихъ видовъ мастерства. И это будетъ уже не ручной трудъ, не педагогическое орудіе воспитанія, а посильное обученіе серьезному, жизненному дѣлу, дающему заработокъ. Но тяжесть и продолжительность этого труда должна быть такова, чтобы это не было игрой, но не было и эксплуатаціей силъ ребенка—часть, два, пойдутъ на работу въ мастерской; остальное школьное время отдается ученію.

Однако работа въ мастерской имѣетъ глубокое и образовательное и воспитательное значеніе. Ничто такъ не формуетъ нашъ духъ, какъ непосредственное общеніе съ вещами. Еще Песталоцци говорилъ: «мнѣ стало до безспорности ясно, насколько человѣкъ становится гораздо ближе къ истинному просвѣщенію черезъ то, что онъ *дѣлаетъ*, чѣмъ черезъ то, что онъ видитъ». Учащійся не словесно, а реально знакомится со свойствами вещей, съ различными породами дерева, съ сопротивляемостью металла, познаетъ мѣру своихъ силъ, вырабатываетъ глазомѣръ, ловкость пальцевъ, силу мускуловъ, приучается къ опредѣленнымъ формамъ работы, къ черченію геометрическихъ фигуръ и точно направляемыхъ линий, приобретаетъ умѣніе ограничивать свою фантазію, ставить предѣлы своей волѣ, подчиняться природѣ вещей, придавать работѣ характеръ устойчивости, опредѣленности и точности. Такъ одновременно въ ребенкѣ растутъ двѣ возможности—въ творческомъ трудѣ будущій *художникъ*, который нуждается въ знаніи техники своего дѣла, и въ работѣ механической будущій *техникъ*, который не долженъ забывать о творчествѣ. И здѣсь же готовится тотъ синтезъ умственного и физическаго труда, который дастъ намъ болѣе совершенныхъ людей и лучшее будущее.

Х. Сельскохозяйственный трудъ.

Наиболѣе радостнымъ, ибо наиболѣе близкимъ къ природѣ и солнцу и болѣе цѣлостнымъ является трудъ сельскохозяйственный. Собразно климатическимъ условіямъ нашей природы этотъ трудъ возможенъ лишь въ теченіе 4—5 мѣсяцевъ. И само собою разумѣется, что сельскіе школьники могутъ и обычно принимаютъ участіе въ этомъ трудѣ. Но его слѣдуетъ осмыслить, его слѣдуетъ использовать, какъ орудіе образовательное. Съ этой точки зрѣнія школьный огородъ, садъ и поле приобретаютъ важное значеніе въ жизни школы. Нигдѣ такъ легко и просто нельзя подойти къ познанію законовъ природы, какъ въ данномъ случаѣ. Обычно отдѣлъ естествознанія въ начальной школѣ проходитъ безъ всякаго примѣненія къ повседневно совершающимся явленіямъ жизни. Отъ этого школьныя знанія укладываются въ голову ученика особнякомъ отъ всего остального и, окончивши даже двухклассное училище, крестьянинъ мало чѣмъ отличается отъ своего неграмотнаго сосѣда. Благодаря отсутствію школьнаго хозяйства ученикамъ предлагаются для раз-

смотрѣнія готовые произведенія природы, такъ что дѣти бываютъ только свидѣтелями и никогда не участвуютъ въ работѣ вмѣстѣ съ природой. Чтобы вовлечь дѣтей въ эту работу учителю необходимо вести хоть какую нибудь отрасль сельскаго хозяйства: пчеловодство, огородничество, садоводство, землѣпашество. Тогда учитель-хозяинъ не будетъ граммофономъ, передающимъ вычитанное по обязанностямъ службы; пережитыя имъ въ дѣйствительности удачи и неудачи въ собственномъ хозяйствѣ придадутъ его урокамъ характеръ живого изложенія очевидца; а это всегда сильно дѣйствуетъ на слушателей и такія уроки не могутъ остаться безслѣдными ¹⁾).

Но такая возможность предполагаетъ глубокую переменѣ въ жизни учителя. Надо слиться съ крестьянской средой, придется и лѣтомъ работать. Большинство учителей на югѣ имѣютъ пасѣки, и рамочные ульи проникли въ деревню, благодаря только учителямъ; во многихъ мѣстахъ учителя арендуютъ землю, иногда въ товариществѣ съ крестьянами, и занимаются посѣвомъ того, что въ данной мѣстности имѣетъ сбытъ; есть при школахъ образцовые птичники, и если кто увидитъ на крестьянскомъ дворѣ помѣсь плимута или дру-

---

¹⁾ Нейваненко. 4-лѣтняя народная школа.

гой породистой курицы, онъ безошибочно можетъ сказать, что въ деревню она попала черезъ школу.

Такой учитель рѣзко отличается отъ своихъ товарищей изъ городскихъ; онъ круглый годъ живетъ въ школѣ, имѣетъ постоянное общеніе со взрослымъ населеніемъ и нерѣдко представляетъ въ селѣ единственную культурную силу, къ которой прибѣгаетъ деревенскій людъ въ случаѣ необходимости разрѣшить какой либо новый вопросъ; этимъ кстати разрѣшается и вопросъ о культурномъ одиночествѣ учителя: до сихъ поръ оторванные отъ деревни учитель или учительница рвались въ городъ, гдѣ находили отдыхъ въ культурномъ единеніи съ интеллигенціей. Теперь учитель и учительница могутъ найти пониманіе и поддержку въ деревенской средѣ, съ которой ихъ будутъ сближать и хозяйственные и культурные интересы, такъ какъ никогда деревня не рвалась такъ къ знанію, какъ въ настоящее время. Что касается того освѣженія, которое такъ необходимо для учащихся и которое они находили на учительскихъ курсахъ, то они конечно не должны лишаться его.

---

¹⁾ Нейваненко.

XI. Активность учащихся.

Изъ той антитезы, которая установлена нами между творческимъ трудомъ и механическою работою, вытекаютъ и другія характерныя особенности трудовой школы, которыя для нѣкоторыхъ педагоговъ-реформистовъ представляются единственными и первоначальными, тогда какъ онѣ являются лишь производными. Изъ того, что трудъ долженъ быть творческимъ вытекаетъ необходимость простора для проявленія активности со стороны учащихся. Рабъ не можетъ творить. Только путемъ долгаго упражненія въ изслѣдованіи явленій, сначала подъ ближайшимъ руководствомъ учителя, впослѣдствіи на 2-й и особенно 3-й ступени обученія, болѣе или менѣе самостоятельномъ, учащіеся приобрѣтаютъ способность свободно мыслить, открывать причинную связь, создавать собственныя рѣшенія, однимъ словомъ выявлять свои творческія способности. Отсюда же вытекаетъ и требованіе индивидуализаціи преподаванія, которая на 1-й и 2-й ступени поддерживается удовлетвореніемъ личныхъ склонностей учащихся, а на 3-й осуществляется при помощи раз-

вѣтвленія программъ по 3-мъ или 4-мъ направленіямъ, въ зависимости отъ группировки учащихся; такъ одна группа могла бы отдать больше времени литературѣ, исторіи, политической экономіи, другая группа математикѣ, астрономіи и физикѣ, третья—естествознанію и географіи; но для всѣхъ группъ могъ бы быть сохраненъ общеобязательный минимумъ, рассчитанный хотя бы на три первыхъ часа ежедневныхъ занятій. Понятно, что индивидуализація занятій въ старшемъ возрастѣ возможна лишь при условіи, что уже на первыхъ двухъ ступеняхъ въ дѣтяхъ творческія силы вызывались къ жизни и давали возможность выявить индивидуальныя склонности каждаго ребенка. Для этого прежде всего надо твердо держаться начала обязательнаго минимума, который давалъ бы просторъ для добровольныхъ работъ.

Особенно много въ смыслѣ возбужденія активности даетъ т. н. методъ разсказовъ¹⁾. По каждому предмету можно подобрать 3—4 книжки для дополнительныхъ разсказовъ; преподающій предлагаетъ желающимъ дать разсказъ на какую-либо тему, относящуюся къ содержанию слѣдующаго урока; этотъ разсказъ учащагося органически сливается съ работою учителя и всего класса;

¹⁾ См. мою „Школьную реформу снизу“.

разказчикъ выступаетъ впередъ и толково при общемъ вниманіи выполняетъ свое дѣло; послѣ этого учитель убѣждается, что содержаніе разказа усвоено и продолжаетъ свою работу.

Эти рассказы (по географіи, исторіи, естествознанію, новымъ языкамъ) постепенно переходятъ въ болѣе серьезные доклады въ среднемъ и старшемъ возрастѣ, давая матеріалъ для общей классной бесѣды и внося большое оживленіе въ жизнь школы. Въ младшемъ возрастѣ сильное впечатлѣніе производитъ т. н. методъ драматизаціи, который возбуждаетъ въ слушателяхъ попробовать и свои силы.

Въ среднемъ и старшемъ возрастѣ ту же роль играетъ постановка школьныхъ спектаклей, причѣмъ въ педагогическомъ отношеніи важнѣе не столько самый спектакль, сколько подготовка къ нему: работа надъ литературнымъ матеріаломъ, писаніе декораціи, шитье костюмовъ, приготовленіе бутафоріи, устройство сцены и проч.

Наконецъ, экскурсіи и лабораторныя работы даютъ прекрасный исходъ юной энергіи, ищущей возможности проявить себя активно.

Несомнѣнно, что только при такой постановкѣ учебнаго дѣла и при условіи разгрузки обязательнаго матеріала, можно рассчитывать на быстрое развитіе творческихъ силъ юной Россіи.

XII. Школьные кооперативы.

Подъ этимъ именемъ я разумѣю всякаго рода *сотрудничество*, которое и въ школѣ и въ жизни должно занять первое мѣсто по его значенію въ дѣлѣ подготовки обобществленія хозяйственной жизни и духовнаго объединенія человѣчества.

Уже въ дѣтскихъ играхъ и работахъ руководители должны использовать планомерно всѣ тѣ элементы, которые дадутъ ребятамъ возможность проявить не только ихъ индивидуальныя особенности, но и способность дѣйствовать, какъ коллективъ. Когда дѣти подрастутъ, имъ могутъ быть передаваемы болѣе серьезные дѣла. Завѣдываніе раздачею приварка, веденіе библиотечнаго дѣла, храненіе и пользованіе пособіями, организація экскурсій и выставокъ, школьное счетоводство, украшеніе класса, устройство вечеринокъ и спектаклей, все это можетъ быть предметомъ коллективныхъ заботъ учащихся. Самая работа учащихся въ классѣ должна принять характеръ общей бесѣды, совмѣстнаго обсужденія затронутыхъ вопросовъ; дѣтей надо втянуть въ совмѣстную работу съ учителемъ и въ практическомъ разрѣшеніи поставленныхъ задачъ ¹⁾ (ме-

¹⁾ Подробнѣе разсмотрѣніе приѣмовъ трудового обученія и воспитанія должно быть предметомъ отдѣльнаго труда: Какъ организовать трудовую школу?

тодѣ разсказовъ, изпотовленіе классныхъ пособій, методъ драматизаціи, коллективное рисованіе, коллективные сочиненія и т. п.). При этомъ, классъ представляетъ изъ себя, какъ бы общину, пользующуюся выборнымъ началомъ, какъ средствомъ устраивать свои дѣла, конечно, подъ общимъ руководствомъ воспитателей. Въ старшемъ возрастѣ самоуправляющіяся общины могутъ образовывать своего рода вѣче съ выборными старшинами, отвѣтственными передъ избирателями. Я неоднократно участвовалъ въ такихъ товарищескихъ собраніяхъ общины—класса, членомъ которой я состою, какъ преподаватель, и вынесъ изъ этого общенія со своими питомцами самыя отрадныя впечатлѣнія. Моя готовность подчиняться наравнѣ со всѣми собравшимися руководительству ученика-предсѣдателя, нисколько не роняла моего авторитета, и наши отношенія дружескія, безъ фамильярности, и въ то же время серьезные, безъ излишней строгости, помогли намъ установить въ классѣ ту моральную атмосферу, которая обеспечиваетъ намъ должную дисциплину и возможность плодотворной работы. И если такое учебное заведеніе существуетъ въ Москвѣ, я не вижу оснований сомнѣваться въ томъ, что такія же учебныя заведенія могутъ быть и повсемѣстно.

Но рядомъ съ такимъ широкимъ пониманіемъ

кооператива, какъ сотрудничества, возможно ввести въ обиходъ школьной жизни и то, что называется кооперативомъ въ узкомъ смыслѣ этого слова, т.-е. хозяйственную товарищескую организацію по закупкѣ и продажѣ матеріаловъ (бумага, перья, карандаши, чернила, тетради, кнопки); а также по производству какихъ-либо предметовъ на сбытъ (игрушки, модели, аппликація и т. п.). Въ нѣкоторыхъ начальныхъ школахъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ такіе кооперативы уже существуютъ.

Конечно, слабой ихъ стороною является вопросъ о прибыли, которую изъ соображеній педагогическихъ надо обезвредить, такъ какъ элементъ корысти не долженъ быть предметомъ заботъ воспитателя. По рѣшенію общаго собранія одного изъ такихъ кооперативовъ прибыль была предназначена на культурно-просвѣтительныя цѣли, а въ дѣйствительности пошла на помощь товарищу, очутившемуся въ бѣдственномъ положеніи.

Всѣ эти формы коллективной дѣятельности, будучи связаны съ выборнымъ началомъ и товарищескимъ обсужденіемъ возникающихъ предприятий, приучаютъ учащихся къ общественной дѣятельности и готовятъ ихъ къ будущей роли свободныхъ гражданъ, участниковъ народнаго хозяйства и строителей новой духовной жизни.

ХІІІ. Итоги.

Мысль моя иллюстрирована довольно полно. Моей задачей, однако, было не столько изложение конкретных приемов для проведения принципов трудовой школы въ жизнь, сколько выяснение самой идеи и обоснование ея, какъ со стороны переживаемыхъ нами историческихъ условій, такъ и со стороны идеаловъ лучшаго будущаго.

Мы уже видѣли, что для немедленнаго осуществленія синтеза трудовой интеллигенціи съ трудовымъ крестьянствомъ и рабочими съ цѣлью обобществленія народнаго и мірового хозяйства и духовнаго объединенія человѣчества въ братскій союзъ народностей, въ данный моментъ почва еще не подготовлена. Но въ то же время мы видимъ, что процессъ этотъ уже начался, крѣпнетъ на нашихъ глазахъ и возможность успешнаго его развитія въ ближайшемъ же будущемъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Если бы этотъ союзъ трудящихся 4 года тому назадъ обладалъ большею мощью, войны бы не было. Наученные горькимъ опытомъ пережитыхъ ужасовъ, мы по окончаніи войны должны будемъ съ удвоенной

энергіей приняться за прерванную работу въ томъ же направленіи, но вести ее надо не сверху путемъ декретовъ, а *снизу* путемъ выработки умѣнія общими усиліями создавать новыя формы жизни.

И не будемъ наполнять эти формы готовымъ и заранѣе опредѣленнымъ содержаніемъ. Такая работа никого не увлечетъ. Пусть каждый въ отдѣльности и всѣ вмѣстѣ свободно творятъ будущую жизнь. Сейчасъ несомнѣнно только одно. Трудовая интеллигенція, рабочіе и крестьяне всего міра, сначала въ предѣлахъ своей народности, потомъ и въ общечеловѣческомъ масштабѣ, должны будутъ соединиться въ одну великую трудовую общину. Одновременно и Россія должна будетъ возродиться, какъ нація, какъ великая культурная цѣнность. И нашимъ лозунгомъ текущаго момента въ этой работѣ должны быть золотыя слова: *«Черезъ Россію къ человѣчеству»!*

Въ этомъ національномъ и общечеловѣческомъ движеніи громадную роль сыграетъ школа, которая должна будетъ заложить педагогическія основы грядущаго національнаго возрожденія и соціальнаго обновленія. И если въ школахъ современной дѣти *учатся*, то въ школахъ будущаго они будутъ *творить*. Вѣдь и въ жизни главное дѣло умѣть строить жизнь, а не знать, какъ надо ее строить: знанія нужны для того, чтобы умѣть. Обломовъ былъ человѣкъ не глупый и хорошо зналъ,

какъ надо жить, а жизнь построить не сумѣлъ. Вышедшіе изъ нашей трудовой школы юные люди, выработавъ съ дѣтства умѣніе строить свою жизнь, будутъ смѣло встрѣчать всякія жизненные затрудненія и сумѣютъ съ ними справиться. Это будутъ люди добрые, жизнерадостные, вѣрящіе въ себя и людей, любящіе родину и настоящіе строители общечеловѣческой семьи.

Школы творческаго труда будутъ путеводными огнями измученнаго человѣчества; онѣ будутъ поддерживать надежду на осуществленіе великихъ началъ братства, равенства и свободы; будутъ укрѣплять вѣру въ возможность творческаго обновленія жизни, будутъ готовить людей къ прекращенію навсегда кровопролитія, къ замѣнѣ борьбы широкимъ сотрудничествомъ всѣхъ трудящихся на почвѣ обобществленнаго хозяйства, призывать къ любви и забвенію прошлаго, къ свѣтлой и радостной трудовой жизни.

Дню вчерашнему—забвеніе,
Дню грядущему—привѣтъ.

Краткій указатель литературы о трудовой школѣ.

1. Шлегеръ. Практическая работа въ дѣтскомъ саду, изд. 2-е, книгоизд. „Практич. знанія“, Москва, ц. 3 р. 55 к.
2. Гартвигъ. Ручной трудъ, какъ методъ обученія и воспитанія, ц. 45 к. Книг. „Школа“, М-ва.
3. Яижуль. Новѣйшія теченія европейской педагогики въ направленіи самостоятельности учащихся, изд. ж. „Народный Учитель“, Москва. 2-ое изд., ц. 2 р. 50 к.
4. Штейнгаузъ. Ручной трудъ въ начальной школѣ, изд. ж. „Народ. Учитель“.
5. Лафаргъ. Умственный трудъ и машина, 45 к.
6. Трудовая школа. Моск. Комиссар. нар. просв. Бюллет. № 1—2.
7. Гурлиттъ. Творческое воспитаніе, изд. Горб.-Посад., 65 к.
8. Клейнъ. Парижскіе дѣтскіе сады, изд. Кіевск. Фреб. Общ., 1916.
9. Сиротскій домъ Прево. Кайданова, изд., Гор.-Пос., 35 к.

10. Трудовое воспитаніе въ „Амъ Урбанъ“, изд. Горб.-Пос., 65 к.
11. Лига народнаго воспитанія въ Берлинѣ. Шнээр-сонъ. 50 к.
12. Школа Гораса Манна въ Нью-Йоркѣ, 40 к.
13. Сухотина. Марія Монтессори и новое воспитаіе, 1 р. 25 к.
14. Монтессори. Домъ ребенка. изд. „Задруга“ М.
15. Феррьеръ. О новой школѣ, изд. Горб.-Пос., 15 к.
16. Ветекапмъ. Самодѣтельность и творчество. 20 к.
17. Левитина. Опытъ новой школы, изд. Горб.-Пос., 50 к.
18. Школьный сборникъ русскихъ народныхъ пѣсенъ, 2 выпуска, 45 и 50 к.
19. Фортунатова, Шлегеръ и А. Фортунатовъ. Первый годъ обученія въ начальной школѣ, изд. Горб.-Пос., 50 к.
20. Левитинъ. Трудовая школа—школа будущаго, 1 р. 75 к.
21. Новая идеи въ педагогикѣ. Сборн. № 2. Труд. школа.
22. Лай. Школа дѣйствія.
23. Эртли. Народная школа и трудовое начало.
24. Дьюи. Школа и общество, 15 к.
25. Блонскій. Задачи и методы новой народной школы.
26. Плестедъ. Ручной трудъ.
27. Н. Н. Ильинъ. Самоуправленіе учащихся. ц. 2 р. изд. ж. „Нар. Уч.“, Москва.

28. Е. И. Іорданская. Народные дѣтскіе сады. ц. 2 р. 50 к., изд. ж. „Народ. Уч.“ Москва.
29. Н. Н. Іорданскій. Основы соціального воспитанія молодежи, изд. ж. „Народ. Уч.“ Москва.
30. А. К. Покровская. Какъ и что рассказывать дѣтямъ, М. изд. ж. „Народ. Учитель“.

Оглавление.

	Стр.
Предисловіе	3—4
I. Коллективизмъ и индивидуализмъ	5—18
II. Национальное и общечеловѣческое	19—26
III. Трудъ и работа	27—30
IV. Законы дѣтской природы	31—34
V. Трудовой принципъ	35—42
VI. Трудовая семья и до-школьное воспитаніе	43—48
VII. Трудовая школа	49—56
VIII. Ручной трудъ какъ методъ	57—60
IX. Мастерскія	61—64
X. Сельскохозяйственный трудъ	65—67
XI. Активность учащихся	68—70
XII. Школьные кооперативы	71—73
XIII. Итоги	74—76

П Р И Л О Ж Е Н І Е.

Краткій Указатель литературы о трудовой школѣ	77—80
---	-------

ИЗДАТЕЛЬСТВО
журн. „Народный Учитель“.
(Подъ общей редакціей **Ореста Смирнова**).
Москва, Тверская заст., Царскій 4. Телеф. 3-05-19.

Н О В Ы Я К Н И Г И:

- Ф. Я. Дьяковъ.** Кооперация и Просвѣщеніе. Ц. 2 р. 50 к.
Орестъ Смирновъ. Культурн. Центры деревни. Ц. 2 р. 50 к.
Е. И. Юрданская. Народные дѣтскіе Сады. Ц. 2 р. 50 к.
Е. А. Звягинцевъ. Исторія въ Народн. Школѣ. Ц. 1 р. 50 к.
К. Ф. Лебединцевъ. Математика въ Народн. Школѣ.
А. Ф. Гартвигъ. Трудовая школа и Коллективизмъ. Ц. 2 р.
Е. Н. Яникулъ. Трудовое начало въ школахъ Европы. Ц. 2 р. 50 к.
А. Ф. Родинъ. Клубы для подростковъ и дѣтей.
Ф. Я. Дьяковъ. Народные дома—очаги духовной культуры.
Н. Н. Ильинъ. Самоуправленіе въ школѣ какъ средство соц. воспит.
Е. А. Звягинцевъ. Словарь по внѣшкольному образов. (съ иллюстр.) Ц. 2 р.
Н. Н. Юрданскій. Основы социальнаго воспитанія молодежи.
В. С. Костромина. Первые шаги по обученію взрослыхъ.
А. К. Покровская. Какъ и что рассказывать дѣтямъ.
А. А. Петровъ. Народные клубы.

Кромѣ того, готовятся къ печати:

Естествознаніе въ народ. школѣ. Какъ построить трудовую школу. Педагогическое рисованіе. Школа и кооперация. Дѣтскій театр. Народный театр въ деревнѣ. Музеи мѣстнаго края. Экскурсіи. Школа—мастерская. Национальное и человѣческое въ воспитаніи молодежи. Художественное воспитаніе народа. Спортъ—основа здоровья.

Каждый выпускъ отъ 1 р. 50 к. до 2 р. 50 к.